

ДИН КУНЦ

ЭШЛИ
БЕЛЛ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Дин Кунц
Эшли Белл

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Кунц Д. Р.

Эшли Белл / Д. Р. Кунц — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

ISBN 978-0-345-54596-1

Узнав, что впереди всего год жизни, двадцатидвухлетняя начинающая писательница Биби Блэр ответила: «Посмотрим!» И в одно прекрасное утро проснулась здоровой, шокировав лучших врачей... А услышав цену своего удивительного исцеления, не задумываясь, согласилась вступить в схватку с судьбой. Чтобы победить, она должна успеть спасти некую Эшли Белл. Но кто она такая и какая неведомая смертельная опасность ей угрожает?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

ISBN 978-0-345-54596-1

© Кунц Д. Р., 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2015

Содержание

I. Девушка, которая собиралась выйти замуж за героя	6
II. Девушка с миссией, девушка в бегах	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дин Кунц Эшли Белл

© Dean Koontz, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

* * *

С любовью посвящаю эту книгу Сьюзен (Эллисон) Катерс, моей сестре, рожденной от другой мамы. Благодарю за тридцать лет доброты и великодушия

*Она... Слышит песню в птичьем яйце.
Джеймс Дикки¹. Сон на Пасху*

¹ Джеймс Лафайетт Дикки (1923–1997) – американский поэт, прозаик. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

I. Девушка, которая собиралась выйти замуж за героя

1. Девочка, которая вечно фантазировала

В год, когда Биби Блэр исполнилось десять, а случилось это лет за двенадцать до того, как ее позвала Смерть, постоянно, начиная с января и до самой середины марта, небо представляло собой мрачный склеп скорби и ангелы ежедневно лили потоки слез на Южную Калифорнию. В своем дневнике девочка писала, что небо горюет, а дни и ночи утопают в печали ангелов. Вот только Биби никогда не вдавалась в подробности о причине этой небесной депрессии.

Даже в то время она не только делала записи в дневнике, но и писала коротенькие рассказы. Той дождливой зимой все ее бесхитростные творения посвящались злоключениям песика по кличке Джаспер, которого жестокий хозяин бросил на обдуваемом всеми ветрами пляже к югу от Сан-Франциско. В каждом из этих небольших рассказиков Джаспер, беспородный, серо-черный песик, находил новый дом, но в конце оказывалось, что новообретенный рай по той или иной причине был недолговечным. Не желая пасть духом, добрый Джаспер продолжал свой путь на юг и преодолел уже не одну сотню миль в поисках пристанища, что стало бы ему домом.

Биби была счастливым ребенком и никогда просто так не хандрила, поэтому по прошествии многих лет она даже удивлялась тому, сколько же написала горестных рассказиков о бедной, одинокой дворняжке, все попытки обрести любовь которой в конечном счете ни к чему не приводят. Понимание пришло к Биби только после двадцать второго дня ее рождения.

В определенном смысле слова все мы – сороки. Биби тоже была такой, хотя до какого-то момента не догадывалась об этом. Прошло много времени, прежде чем она признала правду, глубоко затаенную в ее сорочьем сердце.

Эта птица с заметной окраской перьев и длинным хвостом часто собирает броские предметы: пуговицы, кусочки бечевки, ленточки, яркие бусины, осколки битого стекла... Пряча свои сокровища от внешнего мира, сорока на следующий год вьет себе новое гнездо и совершенно забывает о том, где находится ее клад, поэтому сызнова начинает собирать яркие вещицы.

Людям свойственно скрывать от себя правду. Такой самообман является механизмом психологической самоадаптации. В детстве большинство из нас обманывает себя.

Той слякотной зимой, когда ей исполнилось десять лет, Биби жила вместе со своими родителями в Корона-дель-Мар, живописном районе Ньюпорт-Бич. Хотя дом располагался всего в трех кварталах от Тихого океана, из окон не было видно моря. В первую субботу апреля девочка осталась дома одна. Биби сидела в кресле-качалке, стоящем на веранде причудливого, крытого гонтом дома ее родителей, и наблюдала за тем, как теплый дождь льет на пальмы и смоковницы. Капли шипели на тротуарном покрытии подобно маслу на сковороде.

Биби не любила бить баклуши. Она вечно о чем-то фантазировала, придумывала себе занятия. На этот раз, вооружившись желтым блокнотом в линию и несколькими карандашами, девочка сочиняла очередную часть саги об одиноком Джаспере. Уловив краем глаза какое-то движение, Биби подняла голову и увидела мокрого уставшего песика, ковыляющего по тротуару вверх от далекого океана.

В десять лет ее ожидание чуда еще не увяло. Биби интуитивно ощутила – сейчас обязательно должно что-то произойти. Идя на поводу собственных желаний, девочка отложила блокнот и карандаш, поднялась с кресла-качалки и пошла в сторону ступенек для спуска с веранды.

Песик совсем не походил на одинокую дворняжку из ее рассказов. Грязный золотистый ретривер остановился там, где дорожка, ведущая от бунгало, пересекалась с общественным тротуаром. Девочка и животное изучали друг друга.

– Сюда, мальчик, сюда! – позвала песика Биби.

Его пришлось уговаривать, но в конце концов он подошел и взобрался по ступенькам на веранду. Биби, наклонившись, заглянула ему в глаза. Они были такого же золотистого оттенка, как и его шерсть.

– От тебя воняет.

Ретривер зевнул, открыв пасть с таким видом, словно понятия не имел, чем же от него может нести.

На шею песика был надет грязный потрескавшийся ошейник. Никакой бирки с регистрационным номером. Также девочка не увидела металлической таблички с именем и телефонным номером, которую ответственный хозяин обязательно прикрепил бы к ошейнику своей собаки.

Биби под дождем повела песика с веранды за угол дома, где они очутились в мощенном кирпичами внутреннем двореке площадью тридцать квадратных футов. С востока и запада дворик огораживали оштукатуренные стены частных владений. С южной стороны был размещен гараж на две машины, выходивший в переулок. По ступенькам наружной лестницы можно было подняться на небольшой балкончик, а оттуда пройти в жилые помещения над гаражом. Биби старалась не смотреть в сторону этих окон.

Она сказала ретриверу, чтобы он подождал ее на заднем крыльце, а сама пошла в дом. Песик удивил ее тем, что никуда не ушел, послушно застыл в ожидании, пока Биби не возвратилась с двумя пляжными полотенцами, шампунем, феном и щеткой для волос. Он под дождем побежал вслед за ней в гараж.

Включив освещение, девочка сняла грязный, покрытый пятнами ошейник и увидела то, чего прежде не замечала. Сначала ей захотелось выбросить ошейник в мусорное ведро, спрятать среди разного сора, но потом она подумала, что поступать так неправильно, поэтому выдвинула один из ящиков шкафа, стоявшего возле верстака отца, вытащила желтоватый кусок замшевой ткани из его запасов и завернула в него ошейник.

Звук, резкий лязг, раздался из жилых помещений над гаражом и затих. Вздвогнув, Биби посмотрела на потолок гаража. Открытые брусья толщиной четыре на шесть дюймов² вверху щедро покрывала паутина.

Девочке показалось, что до ее слуха донесся низкий, преисполненный боли голос. С полминуты Биби напряженно вслушивалась, а потом решила, что все это ей почудилось.

Между двумя брусьями, освещенными сзади запыленной, не прикрытой абажуром лампочкой, вкрученной в белый керамический патрон, танцевал от паутинки к паутинке довольно большой паук, выводя на своей шелковой арфе музыку, не доступную человеческому уху.

Увиденное напомнило ей о паучихе Шарлотте, которая спасла своего друга, поросенка Уилбура, в книге Т. Х. Уайта «Паутина Шарлотты»³. На мгновение гараж как бы перестал существовать. Его вытеснило из ее разума воображение, ставшее больше, чем реальностью.

² Дюйм – мера длины, равная 2,54 см. (Примеч. ред.)

³ «Паутина Шарлотты» – очень популярный в англоязычных странах детский роман американского писателя Теренса Хэнбери Уайта о дружбе маленького поросенка и паучихи, которая помогла ему избежать смерти. Первое издание вышло в 1952 году.

Сотни крошечных молоденьких паучков, детки Шарлотты, вылупившиеся из яичевого мешка через несколько недель после ее печальной кончины, стояли на своих головах, повернув лапки к небу. От них поднимались небольшие облачка тончайшего шелка. Из облачков формировались миниатюрные воздушные шарики. Детки-паучки теперь обрели способность летать. Сердце Уилбура переполняли не только радость и восхищение, но и тихая грусть, когда он наблюдал за тем, как эта воздушная армада отправлялась в путь в далекие края, обрывая последнюю связь между ним и покойной Шарлоттой...

Песик жалобно тявкнул и вернул сознание Биби обратно в гараж.

Позже, когда она выкупала, обсушила и расчесала ретривера, дождь почти прекратился, и Биби отвела собачку в дом.

– Если мама и папа не начнут ворчать, когда я тебя им представлю, ты будешь жить здесь, – сказала она песику, показывая ему свою небольшую спальню.

Он с интересом наблюдал за тем, как Биби вытащила из шифоньера картонную коробку. В ней лежали книги, которые не уместились на плотно забитых книжных полках, подвешенных сбоку от ее кровати. Она приподняла книжки и сунула туда завернутый в замшевую тряпицу ошейник, а затем вернула коробку в шифоньер.

– Тебя зовут Олаф, – сказала девочка ретриверу.

В ответ песик замахал хвостом.

– Олаф. Придет день, и я расскажу тебе, почему так назвала тебя.

Со временем Биби забыла об ошейнике, потому что хотела забыть. Прошло девять лет, прежде чем она случайно нашла его на дне коробки с книгами. Развернув замшу, девушка поспешно завернула ее и нашла для ошейника новое место хранения.

2. Еще один день в раю

Двенадцать лет спустя

Во второй вторник марта для Биби Блэр началась череда угрожающих событий, а в лицо повеяло запахом смерти. Многие люди назвали бы этот день началом своего конца, но девушка, которой сейчас исполнилось двадцать два года, со временем окрестила его Днем первым.

Проснувшись на рассвете, она, зевая, встала у окна спальни и принялась любоваться небом. Солнце еще не поднялось над горизонтом, но уже объявляло о своем приходе вымпелами кораллово-розового света... Наконец дневное светило всплыло и отправилось в свой путь на запад. Биби любила наблюдать за рассветами, зарождением нового дня. Каждое утро она начинала с подобного рода любования. Новый день обещает много хорошего. Слово «разочарование» девушка припасала на вечер, используя в речи лишь тогда, когда день на самом деле представлял собой сплошное разочарование. Она была оптимисткой. Однажды ее мать сказала, что, дай Биби лимоны, она сделает не лимонад, а лимонный ликер.

Далекie горы на фоне голубого неба казались бастионами крепости, защищающими волшебное королевство округа Ориндж от мерзости и беспорядка, которые в наши дни разрушают столько милых мест в мире. На калифорнийских равнинах раскинулась сеть обсаженных деревьями улиц и многочисленных парков, разбитых общинами этого южного округа. Все вместе обещало спокойную, полную очарования жизнь.

Биби нужно было куда больше, чем простое обещание удачи. В двадцать два года она была преисполнена мечтами, хотя девушка предпочитала не называть их так. Мечты зияют на беспочвенных мечтаниях и фантазиях, которые редко воплощаются в жизнь,

поэтому Биби именovala свои мечты *ожиданиями*. Они у нее были великими, но девушка знала, как всего этого достичь.

Иногда она так ярко воображала себе свое светлое будущее, что могло показаться, будто уже пережила его, а теперь вспоминает. В деле достижения желаемого воображение имело столь же важное место, как и кропотливая работа. Вам не удастся выиграть приз, если вы не способны представить, какой он и как его можно получить.

Глядя на горы, Биби воображала себе мужчину, за которого выйдет замуж. Он был любовью всей ее жизни и сейчас находился на другой стороне земного шара, в точке, полной крови и предательства. Она отказывала себе в привилегии слишком сильно волноваться за него. Он сам, как бы ни сложились обстоятельства, сможет о себе позаботиться. Он был не сказочным героем, а вполне реальным человеком. От его будущей жены потребуется стоическое отношение ко всем тем рискам, с которыми ему предстоит сталкиваться.

– Я люблю тебя, Пэкстон, – тихим голосом вымолвила Биби.

Она часто произносила это вслух, будто уповала на волшебную силу слов, способных защитить любимого, сколько бы тысяч миль их ни разделяло.

Приняв душ, девушка оделась, подобрала лежавшую у порога газету и пошла на кухню. Кофемашина тонкой струйкой наливала жидкость в рассчитанную на шесть чашек емкость из пирексного стекла. Любимый Биби сорт кофе отличался тем, что имел высокое содержание кофеина и распространял вокруг сильнейший аромат.

У кухонных стульев были хромированные ножки и сиденья из черного винила. Вполне в стиле пятидесятых годов XX века. Биби нравился этот период истории. Мир тогда еще не сошел с ума. Девушка сидела за хромированным столиком со столешницей из красной огнеупорной пластмассы и листала газету. Первую утреннюю чашку кофе она называла «подзарядительной».

Чтобы выдержать конкуренцию в мире, где электронные средства массовой информации сообщают новости намного раньше, чем они появляются в печатном виде, редактор этой газеты предпочел лишь первые страницы уделить главным мировым и общенациональным вестям, больше места отведя длинным очеркам, интересным для широкой публики. Героями этих статей являлись местные жители. Будучи писательницей, Биби одобряла подобный подход. В хорошей прозе, как и в хороших книгах, посвященных истории, описываются не великие события, а люди, на чью жизнь влияют силы вне их власти. Здесь был рассказ о жене, которая борется с безразличной бюрократией ради того, чтобы ее покалеченному на войне мужу предоставили наилучшее лечение... А вот рассказ о человеке, который собрал огромную коллекцию причудливых головных уборов... И о мужчине, отправившемся в крестовый поход за право вступить в брак с живущим у него попугайчиком.

После первой чашки черного кофе последовала вторая, такого же черного. Биби запивала им шоколадный круассан. Несмотря на всю пропаганду, она не верила в то, что океаны кофе и рацион, богатый сливочным маслом и яйцами, так уж вредны для здоровья. Биби ела все, что хотела, словно бросала кому-то вызов, и при этом могла похвастаться отличным здоровьем. У нее – одна жизнь, и девушка намерена наслаждаться ею, беконом и всем прочим.

Откусив второй круассана, девушка почувствовала привкус кислого молока. Выплюнув выпечку на тарелку, вытерла язык салфеткой.

Булочная, в которой она отоваривалась, имела отличную репутацию. С выплунутым тестом, на вид, все было в порядке. Биби понюхала круассан. Аромат тоже приятный. Никаких посторонних запахов. Осторожно девушка откусила снова. Вкусно... Разве? Она почувствовала едва уловимый привкус еще чего-то. Биби отложила круассан, окончательно лишившись аппетита.

В сегодняшней газете было слишком много чудаковатых собирателей шляп, поэтому Биби отложила и ее тоже. С третьей чашкой кофе в руке она направилась в свой рабочий

кабинет, располагавшийся в большей из двух спален ее квартиры. Усевшись за компьютер, вывела на экран неоконченный рассказ, который с переменным успехом писала на протяжении последних нескольких недель, то бросая, то возобновляя работу. С минуту она смотрела на имя автора: *Биби Блэр*.

Родители называли ее Биби не потому, что отличались особой жестокостью и равнодушием к страданиям ребенка, наделенного редким именем. Просто они были чересчур легкомысленными. Имя Биби происходит от старофранцузского слова *beubelot*. В переводе – «игрушка» или «безделушка». Она никогда не была чьей-либо игрушкой, не была и быть не собирается. Еще одно слово, которое имело похожее с *beubelot* звучание, переводилось как «мыльный пузырь». И того хуже. Если она не имела намерения стать стриптизершей, следовало изменить имя на что-то более серьезное, чем «мыльные пузыри».

Впрочем, к шестнадцати годам девочка свыклась со своим именем. К двадцати она решила, что Биби Блэр звучит даже неплохо, однако и теперь ее посещали сомнения: можно ли воспринимать серьезно писательницу с таким именем.

Прокрутив текст вниз, она остановилась на втором абзаце. Тут Биби заметила предложение, которое следовало бы переписать. Когда девушка принялась набирать текст, правая рука вполне ее слушалась, а вот пальцы левой неуклюже задвигались, набирая произвольную комбинацию из букв, вспыхивающих на экране.

Удивление сменилось страхом при осознании, что спазматически сведенные пальцы вообще не чувствуют клавиш. Испугавшись, девушка приподняла вероломную руку и пошевелила пальцами. Биби не ощущала, что они шевелятся, но они все же двигались.

Хотя кофе уже давным-давно смыл прогорклый привкус, испортивший удовольствие от второго круассана, теперь он вновь вернулся. Лицо девушки сморщилось от сильнейшего отвращения. Правая рука потянулась к чашке с кофе. Теперь краешек посуды стучал по зубам, но густое варево еще раз смыло неприятный вкус на языке.

Левая рука, соскользнув с клавиатуры, бессильно упала на колени. Пару секунд она вообще не могла ею пошевелить.

«Паралич», – мелькнула паническая мысль.

Неожиданно легкое покалывание, зародившись в кисти руки, распространилось вверх. Это было не вибрирующее онемение, которое возникает, когда случайно ударишься локтевым изгибом, а «ползущее» ощущение, словно муравьи бегали по коже и костям. Откатив кресло от стола, Биби поднялась на ноги. Онемение распространилось на всю левую часть ее тела, начиная от головы и заканчивая ногой.

Хотя девушка не понимала, что с ней происходит, она чувствовала смертельную опасность.

– Мне только двадцать два, – сказала она себе.

3. Парикмахерская

Нэнси Блэр всегда посещала салон красоты Хизер Йоргенсон в Ньюпорт-Бич. Каждый раз она приезжала рано утром, предварительно резервируя это время у Хизер, так как считала, что даже лучшие стилисты, такие как Хизер, устают к концу рабочего дня. Нэнси ни за что не согласилась бы стричься после обеда, как не позволила бы делать себе подтяжку лица, если бы вообще нуждалась в таковой.

Пластическая операция была излишней. Нэнси выглядела лет на десять моложе своих сорока восьми. Ее муж Мэрфи, часто опускающий последнюю гласную в собственном имени, говорил, что, если Нэнси позволит хирургу-косметологу поиздеваться над своим лицом, любить жену он не перестанет, но впредь будет называть ее Стервеллой де Виль, страдающей от переизбытка подтяжек злодейкой из «101 далматинца».

Волосы Нэнси отличались красотой, густотой и темным цветом, лишь немного тронутым сединой. Она каждые три недели отправлялась в парикмахерскую подрезать их немного, так как очень следила за своим внешним видом.

Ее дочь Биби унаследовала эти роскошные темно-каштановые, почти черные волосы, вот только предпочитала отращивать их подлиннее. Дочь время от времени мягко давила на маму, настойчиво советуя ей отказаться от короткой, обманчиво небрежной прически, однако Нэнси была активным человеком, все время в движении. У нее бы просто не хватило терпения ежеминутно следить за длинными волосами.

Обрызгав голову Нэнси водой, Хизер сказала:

– Я прочла роман Биби *«Лампа слепца»*. Очень хорошая книга.

– О, дорогуша, в одном мизинце моей дочери таланта больше, чем у многих писателей во всех пальцах рук.

Молвлено это было с нескрываемой гордостью. Несмотря на всю несуразность такого высказывания, Нэнси в глубине души считала, что недалеко от истины. Откуда бы ни взялся талант Биби к языку, от матери его она уж точно унаследовать не могла.

– Он станет бестселлером, – сказала Хизер.

– Непременно станет. Она всегда добивается поставленной перед собой цели... Не знаю, впрочем, хочет ли Биби, чтобы ее роман обязательно становился бестселлером. Дочь, конечно, все мне рассказывает, но что она думает о своем творчестве, я в точности не знаю. Загадочная девушка в определенном смысле слова. Даже когда Биби была маленькой, она казалась довольно загадочным ребенком. Ей было лет восемь, когда она начала писать рассказы о компании разумных мышей, живущих в туннелях под нашим бунгало. Совершенно нелепые рассказы, но, читая их, я начинала почти верить в то, что такое возможно. Мы некоторое время даже опасались, что дочь уверена в существовании этих своих чертовых мышек. Мы едва не начали ее лечить, однако потом поняли, что Биби – просто Биби. Она не может жить без того, чтобы что-нибудь придумывать.

Страстная поклонница богато иллюстрированных журналов, посвященных знаменитостям, где минимум текста компенсировался обилием снимков, Хизер, кажется, перестала слушать Нэнси после третьей фразы, шокированная услышанным.

– Но... С какой стати ей не хотеть, чтобы ее книга становилась бестселлером? Она не хочет стать *знаменитой*?

– Думаю, хочет, но пишет не ради этого, а потому, что должна писать. Она говорит, ее воображение подобно паровому котлу, в котором все время кипит вода. Там ужаснейшее давление. Если она не будет каждый день выпускать пар, то рискует, что однажды произойдет взрыв и ей сорвет крышу.

– Ух ты!

В выражении лица Хизер в зеркале над Нэнси было что-то от бурундука. Глаза широко открыты. Впрочем, она симпатичная девушка и станет еще симпатичнее, когда с помощью брекетов ее передние зубы выровняются в одну линию с остальными.

– Биби, конечно, выразилась так в переносном смысле. Ее голова не взорвется – это ясно, как и то, что не было никаких разумных мышей у нас под бунгало.

Выпирающие вперед зубы Хизер придавали ее внешности слегка комическое выражение. Милая девушка.

Мэрфи когда-то сказал жене, что, если девушка по-настоящему хорошенькая, мужчины сочтут ее большие зубы ужасно сексуальными. С тех пор Нэнси подозрительно относилась ко всем симпатичным женщинам в жизни мужа, если их зубы требовали усиленной работы дантиста. Мэрфи ни разу не видел Хизер. Нэнси помалкивала об этой особенности внешности парикмахерши. Мэрфи был ей верен... был и останется ей верным. Быть может, он не относится серьезно к тому, что Нэнси кастрирует его кусачками, как она когда-то ему

обещала, но Мэрфи достаточно умен, чтобы понимать: последствия его неверности будут просто ужасными.

– Зажмурьтесь, – попросила Хизер.

Нэнси выполнила просьбу парикмахера. Послышался звук распыляемой жидкости. Аромат пенки для укладки волос. Окончательное высушивание струей воздуха из фена и работа расческой.

Когда все было окончено, уложенные волосы показались женщине такими же идеальными, как всегда. Хизер была очень талантливой парикмахершей. Она себя называла художником-модельером либо стилистом по прическам. На визитной карточке по-французски было написано *coiffeuse*⁴. Немного претенциозно, но вполне в духе Ньюпорт-Бич. В конечном счете Хизер вполне этого заслуживала.

Нэнси заплатила больше, чем полагалось. Она как раз заверяла свою *coiffeuse* в том, что в следующий раз обязательно принесет газеты и журналы с хорошими отзывами о «*Лампе слепца*», когда ее речь перебил звонок мобильного телефона. Зазвучала старая песенка Бобби Мак-Феррина «Не волнуйся, будь счастлив». Взглянув, кто звонит, Нэнси приняла вызов.

– Да, Биби, дорогая.

Голос дочери прозвучал так, словно их разделяли невиданные, непреодолимые расстояния:

– Мам! Со мной что-то не так...

4. В поисках проблеска надежды

Биби сидела в кресле в гостиной. Сумочка – на коленях. С помощью позитивных мыслей девушка всячески старалась заглушить ощущение легкого покалывания во всем теле. Мать ворвалась в квартиру с таким видом, словно привела за собой целый штурмовой отряд спецназа, перед которым поставили задачу найти и обезвредить всех, кто одевается без должного вкуса. Нэнси выглядела сногшибательно в черной спортивной куртке из тонкой, словно материя, кожи от «Санта-Крус», серовато-бежевой блузке с замысловатым узором от Луи Виттона, черных джинсах от «Мави» с аккуратными, искусно созданными в определенных местах потертостями и красно-черных кроссовках, фамилию дизайнера которых Биби не запомнила.

Сама она не разделяла одержимость матери модой, о чем свидетельствовали ее джинсы от малоизвестного производителя и футболка с длинными рукавами.

Пока Нэнси преодолевала расстояние до кресла, лился поток слов:

– Ты такая бледная! Вся посерела! Господи! Ты ужасно выглядишь!

– Не надо, мама. Я выгляжу нормально. Как раз это меня пугает больше, чем если бы я на самом деле вся посерела, а из глаз полилась бы кровь. Как можно выглядеть здоровой при таких симптомах?

– Я позвоню девять-один-один.

– Нет, не звони, – твердым голосом остановила ее дочь. – Я не собираюсь делать из себя посмешище. – Оттолкнувшись здоровой правой рукой, девушка поднялась из кресла. – Отвези меня в приемное отделение больницы для оказания первой помощи.

Нэнси смотрела на дочь с таким выражением, будто взирала на бедное израненное животное, сбитое машиной и лежащее на обочине дороги. На глазах у нее блеснули слезы.

– Не смей, мама! Не плачь при мне, – сказала Биби, протянув руку к небольшому рюкзачку на веревочках, лежавшему возле кресла. – Там пижама, зубная щетка и все, что мне может понадобиться, если я буду вынуждена остаться в больнице на ночь. Ни за что не согла-

⁴ Женский парикмахер (фр.).

шусь надеть один из тех больничных халатов, что завязываются сзади и открывают попу при ходьбе.

– Я тебя очень люблю, – дрожащим, словно холодец, голосом произнесла Нэнси.

– Я тебя тоже люблю, мама, – двинувшись к двери, бросила на ходу Биби. – Пошли. Я не боюсь... не особо... Ты всегда говорила: «Чему быть, того не миновать». Как говорила, так и действуй. Пошли.

– Но, если у тебя был удар, надо позвонить девять-один-один. Каждая минута на счету.

– Не было у меня никакого удара.

Мать поспешила вперед, распахнула дверь, однако остановилась в проходе.

– По телефону ты сказала, что у тебя левая сторона парализована.

– Не парализована. Я ощущаю легкое покалывание... ну, словно пятьдесят мобильных приложили к моему телу, поставили на виброзвонок, а потом все одновременно включили. Левая рука не вполне меня слушается, а в остальном все в порядке.

– Но это похоже на последствия инсульта.

– Ничего подобного. Я говорю свободно, вижу четко. Голова не болит. Мысли ясные.

И мне только двадцать два года, черт побери!

Выражение лица Нэнси смягчилось. Страх сменила озабоченность, когда она поняла, что, вместо того чтобы помогать дочери, пугает ее.

– Ладно. Ты права. Я тебя отвезу.

Квартиры на третьем этаже выходили на общий крытый балкон. Биби держалась правой рукой за ограждение, пока они шли к северному крылу балкона. День выдался приятно прохладным. Птицы радостно пели. Во дворе легкий бриз слегка шевелил листья пальм и папоротника. Призрачная серебристая рыбка от солнечных бликов то тут, то там возникала на водной глади бассейна. Эта повседневная картина показалась девушке необычайно прекрасной, куда прекраснее, чем в любой другой день ее жизни.

Когда они дошли до конца балкона, Нэнси спросила:

– Дорогая, ты уверена, что сможешь сама спуститься?

Открытая лестница была металлической со ступеньками, сделанными из гальки и бетона. Благодаря симметричности ступеней и той плавности, с которой они опускались вниз, лестница заслуживала звания произведения современной скульптуры. Прежде Биби не приходило в голову, что ступени можно сравнить с произведением искусства. Должно быть, риск никогда больше не увидеть их привел к резкому изменению ее взглядов на окружающее.

– Да, сумею, – нетерпеливо заверила мать Биби. – А вот *спрыгивать* со ступеньки на ступеньку я не смогу.

Она преодолевала спуск по лестнице без особых трудностей, хотя трижды ее левая нога не хотела с первого раза двигаться. Биби тогда приходилось тащить ее за собой.

На автостоянке они подошли к «БМВ» с тщеславным номерным знаком, сообщающим, что в машине ездит суперагент. Нэнси направилась вслед за дочерью к двери с пассажирской стороны, но затем вспомнила, что наняться с ней не стоит, поэтому поторопилась обойти вокруг автомобиля к водительской двери.

Биби обнаружила, что сесть в салон машины не труднее, чем залезть в слегка качающуюся подвесную люльку на чертовом колесе, и почувствовала немалое облегчение.

Заведя двигатель, Нэнси сказала:

– Пристегнись, дорогуша.

– Уже пристегнулась, мама.

Слушая свой собственный голос, Биби подумала, что со стороны напоминает сейчас капризную девушку-подростка. Быть такой ей совсем не хотелось.

– Ну да... конечно, пристегнулась...

Нэнси, не притормозив, выехала с автостоянки и свернула вправо. На полной скорости проскочила ближайший перекресток еще до того, как зеленый свет светофора сменился на красный.

– Будет смешно, если ты убьешь нас по пути в больницу, – сказала Биби.

– Никогда не попадала в аварии, дорогая. За все время только один штраф и то по чистому недоразумению. У меня ощущение, что там специально такой знак поставили, чтобы ловить на превышении скорости. А коп был настоящим смоговым чудиком, завистливым кизяком, который не сможет отличить стекло от маисовых бургеров.

Все это из словаря серфингистов. Смоговыми чудиками называют жителей внутренних районов страны. Кизяк – придурок. Стекло – состояние водной глади, идеальное для серфинга, а вот когда на море маисовые бургеры, серфингисты подумывают о том, чтобы поменять воду на сушу и скейтборды.

Иногда Биби забывала о том, что в далеком прошлом ее мать была крутой девушкой, серфингисткой, седлала волны и тусовалась со многими из тех, кто считался лучшим из лучших. До сих пор она не утратила любви к прибою и раскаленному песку пляжа, временами плавала на байдарке или же ловила волну. Вне переделов пляжа жаргон серфингистов проскальзывал в речи Нэнси лишь тогда, когда она имела зуб на какого-нибудь представителя власти.

Теперь мать сосредоточила все свое внимание на дороге. Слезы на глазах заметно больше не было. Челюсть плотно сжата. Лоб нахмурен. Взгляд ее метался между зеркалами заднего вида. Нэнси перестраивалась из одного ряда в другой чаще, чем обычно. Все ее внимание поглощала трасса. В таком состоянии мать бывала только тогда, когда ездила по адресам из своего списка недвижимости, либо тогда, когда ей казалось, что сделка вот-вот состоится.

– Блин!

Биби выудила несколько бумажных салфеток из небольшого отсека напротив сиденья и дважды сплюнула в них без видимого результата.

– Что такое?

– Мерзкий вкус во рту.

– А какой именно?

– Ну, похоже на кислое молоко или прогорклое сливочное масло. Вкус то появляется, то исчезает.

– И давно это началось?

– Ну... как только, так сразу...

– Ты мне говорила: единственное, что ощущаешь, – онемение в руке и легкое покалывание.

– Я не думала, что это симптом болезни.

– Это симптом, – заявила ее мать.

Вдалеке появилась больница. Она возвышалась над другими зданиями в округе. При виде ее Биби вынуждена была признать, что боится больше, чем ей хотелось бы. Строение выглядело заурядным, ничего особенного, но чем ближе они подъезжали, тем более зловещим казалось ей здание.

– Всегда есть проблеск надежды, – подбодрила она саму себя.

– Думаешь? – в голосе матери звучали тревога и сомнение.

– Для писательницы все представляет собой материал к ее новой книге. Сейчас мы собираем такой для моих новых рассказов.

Нэнси прибавила газу, и машина, проскочив на желтый свет, свернула с улицы к комплексу больничных зданий.

– Чему быть, того не миновать, – сказала она, обращаясь скорее к себе, а не к дочери, будто эти слова обладали магической силой, словно каждое представляло собой заклинание, способное отпугнуть зло.

– Пожалуйста, больше не хочу этого слышать, – куда резче, нежели намеревалась, произнесла Биби. – Ты все время повторяешь одну и ту же фразу. Я больше никогда не хочу ее слышать.

Ориентируясь по табличке, указывающей, где находится отделение неотложной медицинской помощи, они съехали налево с главной дороги, окружающей комплекс.

Нэнси бросила взгляд на дочь.

– Все хорошо. Будет так, как ты хочешь.

Биби сразу же пожалела о том, что сорвалась на мать.

– Извини, пожалуйста, извини.

Первые два слова произнесены были вполне отчетливо, а вот последнее превратилось в нечто наподобие «и звони».

Когда машина затормозила перед входом в приемное отделение, Биби про себя отметила, чем был обусловлен ее отказ от звонка на номер 9-1-1. Будучи писательницей, она обладала доведенным до совершенства чувством, как следует строить сюжет повествования. С первой же секунды, когда левая рука ее отказалась печатать на клавиатуре компьютера, а в теле стало ощущаться покалывание, Биби знала, куда, в какое темное место приведет ее в конце концов череда событий. Если жизнь – это повествование или в конечном итоге сборник коротких рассказов, финал не обязательно должен быть счастливым. Биби всегда считала, что ее жизнь станет оптимистическим романом, полным радости и счастья. Она имела намерение сделать ее такой, но при первых симптомах болезни девушка поняла, что была излишне наивной.

5. «Погладь кошку»

Хотя весенняя жара еще прочно не обосновалась на океанском побережье Южной Калифорнии, Мэрфи Блэр тем утром пришел на работу в сандалиях, пляжных шортах, черной футболке и расстегнутой сине-черной рубашке в клетку от «Пендлтона». Рукава ее к тому же были закатаны. Свои густые волосы песочно-каштанового цвета он коротко стриг. Седина в них появилась не по причине излишнего пристрастия к алкоголю, а из-за любви к солнцу. Даже в холодное время года Мэрфи находил, где погреться под его лучами. Он был ходячим доказательством того, что, презрев меланхолию и задавшись целью, можно круглый год щеголять с летним загаром.

Его магазин «Погладь кошку» располагался на полуострове Бальбоа. Эта выдающаяся в океан полоска земли защищает Ньюпортскую гавань от волн в районе первых двух пирсов. Название магазина пришло из сленга серфингистов, которые, взбираясь на доску, ладонями гладят воду или воздух, как будто хотят сгладить тем самым себе «дорогу».

В витринах магазинчика были выставлены доски для серфинга и первоклассные футболки «Моугли», «Веллен», «Биллабонг», «Алоха» и «Рейн Спунер». Мэрфи продавал все, начиная от защитных очков с минеральными стеклами от «Отис» и заканчивая спортивными туфлями «Серф Сайдерс», от гидрокостюмов и до носков производства «Станс», в дизайне которых использовались узоры, созданные знаменитым серфингистом Джоном Джоном Флоренсом.

В пятьдесят лет Мэрфи отошел от дел. Он работал, чтобы играть, а играл, чтобы жить. Когда мужчина приехал в «Погладь кошку», дверь была открыта, а внутри горел свет. Пого стоял за прилавком и внимательно читал инструкцию к часам с джи-пи-эс-навигатором для серфингистов, выпущенным «Рип Керл».

Взглянув на босса, Пого сказал:

– Я себе куплю точно такие.

Три года назад Пого окончил школу с отличными показателями успеваемости, но наотрез отказался поступать в колледж, как хотели его родители. Сейчас он жил, экономя на чем только мог, с двумя другими серферными крысами Майком и Натом в квартире-студии над магазином поношенной одежды в недалеко расположенном отсюда городе Коста-Меса. Ездил парень на тридцатилетней, подкрашенной краской из баллончика серой «хонде», которая внешне подходила разве что для участия в гонке на уничтожение в качестве жертвы грузовика с огромными колесами.

Иногда ничего из себя не представляющий кретин находит убежище в субкультуре серфингистов и остается одиноким, порой вообще не обласканным женским вниманием, до тех пор, пока не умирает от старости, не успев обналичить свой последний чек, выданный социальной службой. Пого с этим не имел проблем. На то было две причины. Во-первых, он являлся королем волны, бесстрашным и проворным на своей доске. Он смог бы справиться даже с гигантскими волнами, пришедшими в Калифорнию вместе с ураганом «Мария». Его уважали за стиль и широту души. Если бы ему хватило амбиций поучаствовать в соревнованиях, он вполне способен был стать признанным чемпионом. Во-вторых, Пого отличался красотой. Когда он проходил мимо женщин, те, провожая его взглядом, поворачивали головы так, словно они были приделаны к их шеям на шарнирах.

– Ты же дашь мне скидку, как всегда? – спросил Пого, показывая на джи-пи-эс-часы для серфингистов.

– Да, разумеется, – ответил Мэрфи.

– Двенадцать еженедельных платежей и без процента?

– Я не благотворительное общество. Часы дорогие.

– Тогда восемь недель?

– Ладно, согласен, – вздохнув, согласился Мэрфи.

Он указал на широкий плоский экран плазменного телевизора, крепившегося к стене позади прилавка. Сейчас там зияла чернота, а в принципе, должны были демонстрироваться старые видеозаписи соревнований по серфингу под патронатом «Биллабонг». Благодаря этому в магазине поддерживалась соответствующая атмосфера.

– Надеюсь, он не сломался?

– Нет. Просто забыл. Извини, брат.

– Ха-ха. Хочешь сказать, ты меня любишь как брата, Пого?

– Больше, чем моего настоящего брата. Клайд у меня башковитый на всю голову бродяга. Он для меня все равно что марсианин.

– Твоего брата зовут Брэндон. Откуда еще взялся этот Клайд?

Пого часто заморгал.

– Ты меня раскусил.

Мэрфи тяжело вздохнул.

– Ты же хочешь, чтобы дела в магазине шли хорошо?

Включив нужное видео, Пого ответил:

– Да, конечно... Я хочу, чтобы ты все держал под контролем, брат.

– В таком случае было бы неплохо, если бы ты помог моему бизнесу, перейдя работать в какой-нибудь другой магазин для серфингистов.

Пого ухмыльнулся.

– Ты разобьешь мне сердце, если я решу, что в самом деле этого хочешь. Но... у тебя тот еще юмор. Тебе бы комиком можно было выступать.

– Да, я парень не промах.

– Нет, я серьезно. Бонни тоже считает, что ты юморной.

– Это, случайно, не та твоя сестра, которая вкалывает как проклятая на работе, чтобы держать ресторан на плаву? А-а-а... понял. Бонни и Клайд. Еще одна башковитая на всю голову. Значит, у тебя с ней одинаковое чувство юмора, так получается?

Пого вздохнул.

– Где ты слышал, чтобы я называл ее башковитой на всю голову? Я никогда не говорю о ней плохо. У меня вообще с моими братьями и сестрами много общего.

– Плохо не отзываешься, значит... Знаешь, Пого, иногда ты с головой себя выдаешь, но...

У Мэрфи зазвенел мобильный телефон. Взглянув на экран, мужчина увидел, что звонит Нэнси.

– Что такое, дорогая?

Холод пробежал по его хребту и добрался до сердца, когда он услышал:

– Я боюсь, дорогой. Кажется, у Биби инсульт.

6. Томительный ужас обследования

Утром во вторник приемный покой не является тем копошащимся муравейником, каким он бывает в смену с семи часов вечера и до трех ночи. Ночью сюда привозят сбитых пьяными водителями, жертв грабителей, избитых жен, а также всевозможных агрессивных и страдающих галлюцинациями наркоманов, скользящих по лезвию бритвы передозировки. Когда Биби в сопровождении матери зашла в помещение, там в ожидании помощи сидело лишь пять человек. Никто из них явно не истекал кровью.

Медбрат приемного отделения на поверку оказался лаборантом со специализацией по экстренной медицинской помощи. Звали его Манюэль Ривера. Это был коренастый, невысокий мужчина, одетый в медицинскую форму голубого цвета. Он измерил пульс Биби, ее давление, а потом выслушал рассказ девушки по поводу того, что ее беспокоит.

Биби невнятно произнесла несколько слов, но большая часть ее речи прозвучала вполне членораздельно. В больнице она почувствовала себя лучше, почти в безопасности, до тех пор, пока добродушное, словно у Будды, лицо Манюэля не посуровело от тревоги и он не усадил девушку в кресло-каталку. Довольно спешно медик провез ее через автоматически открывающиеся двери в приемное отделение впереди других людей, ждущих своей очереди.

Каждая кабинка отделения неотложной медицинской помощи представляла собой кубическое помещение с устланным виниловыми плитками полом, тремя бледно-голубыми стенами и одной стеклянной, выходящей в коридор. У изголовья кровати стояли кардиомонитор и прочее оборудование.

Нэнси сидела на одном из двух стульев для посетителей. В руках она так крепко сжимала две сумочки – свою и дочери, словно боялась, что на нее может напасть грабитель-сумочник. Разумеется, страхи Нэнси имели совсем другую природу.

Манюэль опустил автоматическую койку и помог Биби присесть на край.

– Если у вас кружится голова, не ложитесь, – сказал он.

Медик вывез кресло-каталку в коридор, где встретил высокого, напоминающего атлета мужчину в хирургическом костюме. Это явно был врач. Доктор катил перед собой передвижную вычислительную станцию, устроенную таким образом, чтобы человек мог работать с ней стоя. В этот компьютер врач вносил данные предварительного диагноза и лечения каждого пациента, с которым он сегодня имел дело.

– С тобой все в порядке, детка? – спросила Нэнси.

– Да, мама. Все нормально. Все будет хорошо.

– Тебе что-то надо? Может, воды? Тебе принести воды?

Рот Биби наполнился слюной. Казалось, ее вот-вот стошнит. Она тяжело сглотнула и удержала завтрак у себя в желудке. Последнее, что ей сейчас нужно, – это вода.

В коридоре Манюэль обменялся парой фраз с высоким врачом. Последний вошел в кабинку и представился доктором Армандом Барсамианом. При других обстоятельствах его самоуверенная манера держаться и невозмутимый вид успокоили бы девушку.

Врач взглянул на ее глаза через офтальмоскоп, задал несколько вопросов, спросил имя, возраст, номер карточки социального страхования... Биби поняла, зачем доктору Барсамиану это: он хочет убедиться, что случившееся никак не повлияло на ее память.

– Надо провести КТ головного мозга, – заявил доктор. – Если это все же удар, то чем скорее мы выясним причину – тромбоз либо кровоизлияние, – тем быстрее определимся с лечением, а значит, будет больше шансов на полное выздоровление.

В дверном проеме возник санитар с медицинской каталкой. Врач помог Биби лечь. Когда ее увозили, мама по-прежнему стояла в коридоре с таким видом, словно она боялась, что видит дочь в последний раз. Санитар свернул за угол, и Биби потеряла ее из виду.

На втором этаже в помещении с рентгеновским компьютерным томографом было прохладно. Она не попросила одеяло. Биби суеверно считала, что чем более стойчески будет себя вести, тем лучше окажутся результаты исследования. Девушке помогли перебраться с каталки на стол томографа.

Санитар ушел, появилась медсестра с подносом. На нем лежали резиновый кровестанавливающий жгут, пакетик из фольги с запаянным в нем кусочком ткани, пропитанным антибактериальным раствором, и шприц для подкожных инъекций, содержащий рентгеноконтрастное вещество, присутствие которого в крови делает нарушения в кровеносных сосудах и мозгу пациента более заметными при томографии.

– С тобой все в порядке, детка?

– Спасибо, да. Все нормально.

Когда медсестра удалилась, невидимый техник, управлявшая рентгеновским компьютерным томографом, заговорила с Биби через интерком⁵ из смежной комнаты. Она объяснила девушке, как будет происходить исследование. Голос был очень молодым, с легким японским акцентом. Биби зажмурилась.

Сцена, куда более реальная, чем кабинет томографии, возникла вокруг нее...

Вымощенная плитняком дорожка вела к красному полумесяцу калитки, которую оплели белые хризантемы. За ней располагался чайный домик, а вокруг него росли вишни в цвету. Белые лепестки лежали под ногами на темном камне. Там были гейши в шелковых кимоно с длинными черными волосами, уложенными в замысловатые прически и заколотые булавками из слоновой кости в виде стрекоз...

Подвижная часть стола пришла в движение, покотив тело Биби головой вперед в зев томографа. Это вернуло ее из чайного домика обратно в больницу. Все произошло так быстро, что девушка засомневалась, было ли исследование сделано правильно. Впрочем, компетентность медицинского персонала казалась наименьшей из ее проблем.

Биби пугало, с какой поспешностью они занялись ее случаем, как только она переступила порог приемного отделения неотложной помощи. Спокойствия ей не видать, пока она не узнает свой диагноз. Вот только чем быстрее они работали, тем сильнее девушку одолевало чувство, что она, все ускоряясь, несется с крутого спуска в пропасть.

⁵ Интерком – переговорное устройство, предназначенное для передачи голосовых сообщений посредством громкой связи. (Примеч. ред.)

7. Власть печенья

Олаф, золотистый ретривер, пришедший под дождем в их дом, прожил в семье Блэр меньше недели до того, как у песика появилась привычка взбираться вверх по ступенькам лестницы к двери квартиры, располагавшейся над гаражом. Ему нравилось отдыхать на маленьком балкончике, где стояли два кресла-качалки. Он опирался нижней челюстью о крашенную белой краской перемычку перил и смотрел в задний дворик позади бунгало, напоминая принца, с довольным видом обзирающего свои владения.

Каждый раз, заметив там песика, маленькая Биби звала его, приказывая спуститься. Сначала она делала это шепотом, который пес не мог не слышать, так как у собак слух намного лучше, чем у людей. Олаф смотрел на девочку сверху вниз, но предпочитал притворяться глухим. Потом Биби доводила свой обычный шепот до сценического полусшепота, но песик не спускался. Лишь стук его хвоста по балкону свидетельствовал о том, что Олаф слышит ее.

Девочка не отваживалась подняться по ступенькам, взять пса за ошейник и свести его вниз. Если она взойдет на балкон, то окажется всего в нескольких футах от двери... Слишком близко... Раздраженная Биби топталась по дворику, то и дело поднимая голову и глядя на Олафа, но стараясь даже случайно не заглянуть в одно из трех окон. Солнечный свет, отражавшийся в стекле, делал эти окна похожими на зеркала. Даже если бы девочка захотела кого-то увидеть, даже если бы человек стоял у окна, глядя на нее, она ничего не смогла бы разглядеть, но между тем Биби старалась туда не смотреть.

Она зашла в бунгало и взяла из жестяной коробки два печенья с рожковой камедью, которые песик успел очень полюбить. Выйдя во внутренний дворик, Биби подняла обе руки, зажав в каждой по печенью, так, чтобы Олаф почуял сладковатый аромат награды за послушание. Девочка знала, что песик почувствовал запах камеди: несмотря на разделявшее их расстояние, было видно, как морщится его черный нос, просунувшийся между перилами.

Прежде печенье всегда доказывало свою силу, но не на этот раз. Спустя несколько минут Биби вернулась к заднему ходу в бунгало и уселась на плетеной скамейке со спинкой. Разложенные на ней толстые диванные подушечки украшал узор с изображением пальмовых листьев.

Олаф любил отдыхать здесь, положив голову на колени девочки, а Биби в такие минуты гладила шерсть у него на мордочке, почесывала грудь и живот. Скат навеса над крыльцом закрывал вид на окна жилых помещений, расположенных над гаражом, но даже отсюда она видела нижнюю часть ограждения и голову песика, высывающуюся между прутьями ограды. Он тоже смотрел на нее.

Биби поднесла одно из печений к своему носу, понюхала и решила, что оно вполне сойдет и для человека. Разломив его пополам, девочка принялась жевать. Неплохо, но не более того. Запах камеди напоминал шоколадный, однако шоколад собаки не едят. Никогда камеди не суждено вытеснить из бизнеса «Херши»⁶.

Со своего места на балкончике Олаф наблюдал за тем, как девочка храбро съела половину из предназначавшегося ему угощения. Он больше не лежал, оперев голову о перемычку. Его морда появилась между двумя прутьями в футах от верхнего бруса: значит, пес поднялся на лапы.

Биби, помахав оставшейся половинкой печенья у себя перед носом, издала фальшивый возглас восхищения этим деликатесом: «М-м-м-м...» Олаф ринулся вниз по ступенькам лестницы прочь с балкона, пересек мощный кирпичами внутренний дворик и вбежал на

⁶ «Херши» – крупнейший производитель шоколадных батончиков в Северной Америке.

крыльцо. Он с такой стремительностью запрыгнул на скамейку, что та заскрипела, протестуя.

– Хороший мальчик, – сказала Биби.

Ткнувшись в ее ладонь своей мягкой мордочкой, песик завладел половинкой печенья, зажатой между большим и указательным пальцами девочки.

Биби скормила Олафу второе печенье и, пока тот с шумным удовольствием его пожирал, наставительным тоном сказала:

– Никогда туда не ходи. Держись подальше от того места. Это плохое место... ужасное... *злое*...

Песик облизнулся и с серьезным, как подумала Биби, видом уставился на нее. В тени, отбрасываемой крыльцом, его зрачки расширились. Золотистые радужные оболочки, казалось, горят своим внутренним светом.

8. Избита и посажена

Нэнси сказала самой себе, что надо остыть, успокоиться, утомониться, прийти в себя, притормозить, короче говоря, усесться на один из стульев для сопровождающих лиц и дожидаться, когда Биби привезут обратно после КТ головного мозга. Вот только, даже будучи подростком и делая первые шаги в искусстве овладения серфингом, Нэнси ни разу не вела себя подобно безмятежной, глупенькой Барби. На доске она всегда стремилась, оседлав, «порвать» волну. Когда же волны успокаивались и приходилось остаться на берегу, Нэнси с тем же рвением и энергией занималась другими делами на суше.

Мэрфи, свернув за угол, попал из первого коридора во второй, где увидел Нэнси, нервно расхаживающую перед кабинкой, за которой скрылась Биби, когда ее повезли на томографию. Она его сразу не заметила, но интуитивно догадалась о том, что муж рядом, по тому, как встрепенулись и зашушукались две медсестры, а на их лицах появились приветливые улыбки. Даже в свои пятьдесят Мэрфи выглядел, как Дон Джонсон из сериала «Полиция Майами». Если бы он пожелал других женщин, они вешались бы на него, словно рыбы-прилипалы, что живут, присосавшись мощными присосками к туловищам акул.

На Мэрфи были все те же пляжные шорты, черная футболка и рубашка от «Пендлтона» с закатанными рукавами. Разве что из уважения к больничным правилам он сменил сандалии на черные спортивные туфли «Серф Сайдерс» с голубыми шнурками. Носков на нем не было. Ньюпорт-Бич – одно из немногих мест на земле, где человек в подобной одежде не вызовет переполоха, явившись в таком виде в больницу или даже в церковь.

Он обнял Нэнси, и она ответила ему тем же. Несколько секунд они вот так стояли, замерев. Слов не нужно. Хватало одних лишь объятий.

Когда супруги все же отстранились друг от друга и застыли, держась за руки, Мэрфи спросил:

– Где она?

– Биби увезли на томографию мозга. Думаю, они скоро привезут ее обратно. Уже должны были бы... Не понимаю, почему их до сих пор нет. Почему так долго?

– Как ты?

– Такое чувство, словно меня избили и посадили, – ответила Нэнси, используя жаргон серферов.

Так обычно говорили, когда бедолагу смывало с доски, а затем волна-убийца со всей мочи ударяла им о берег.

– А как Биби?

– Ну, ты ее знаешь. Она с чем угодно справится. Вопреки любым прогнозам, Биби уже думает о том, что, когда выкарабкается, из этого всего получится неплохой сюжет.

Катя перед собой передвижную вычислительную станцию, к ним приблизился доктор Барсамиан в сопровождении главврача смены в отделении неотложной помощи. Они сообщили, что после КТ мозга их дочь оставили в больнице.

– Палата четыреста пятьдесят шестая.

Глаза врача были непроницаемыми, словно оливки Каламата. Если он и знал что-то ужасное относительно состояния Биби, Нэнси ничего не смогла прочесть в его взгляде.

– Одного КТ головного мозга оказалось недостаточно, – заявил доктор Барсамиан. – Нужно будет продолжить исследования.

В лифте, пока кабинка поднималась с первого этажа на второй, Нэнси испытала странное чувство потери ориентации в пространстве. Хотя указатель местоположения сначала переместился с 1 на 2, а затем зажглась цифра 3, женщина могла бы поклясться, что кабинка не поднимается, а наоборот, опускается на два подземных этажа вниз, а там их ждет бесконечная, всепоглощающая тьма, из которой уже не выбраться.

Когда засветилась цифра 4 и двери лифта открылись, ее тревога никуда не улетучилась. Палата № 456 находилась справа. Найдя ее, супруги увидели, что дверь распахнута настежь. Внутри стояло две кровати, на которых никто не лежал. Постельное белье было свежим, накрахмаленным и аккуратно заправленным. Рюкзачок дочери покоился на тумбочке ближайшей к окну койки. Нэнси заглянула внутрь. Там оказались зубные щетка и паста, а также другие вещи, но пижамы не было. Возле каждой кровати стояло по узкому платяному шкафу. Один был пустой, а в другом висели джинсы и футболка Биби с длинными рукавами. Туфли с засунутыми внутрь носками аккуратно стояли внизу в том же шкафу.

Раздался скрип резиновых подошв. Запахло мылом. В палату вошла молоденькая светловолосая девушка в медицинском халате. Внешне она выглядела настолько юной, что ей вполне можно было бы дать лет пятнадцать. Доверия она не вызывала. Казалось, перед вами ребенок, который решил поиграть в больницу.

– Нам сказали, что нашу дочь положили в эту палату, – промолвил Мэрфи.

– Вы, как я понимаю, мистер и миссис Блэр? Биби сейчас увезли на обследование.

– Что за обследование? – поинтересовалась Нэнси.

– Магнитно-резонансная визуализация, анализ крови, все как обычно.

– Для нас подобные вещи не кажутся обычными, – Нэнси постаралась произнести это легко, но голос выдал ее.

– Все будет хорошо. Ничего страшного. Биби отлично держится.

Заверения молоденькой медсестры произвели на Нэнси не больше впечатления, чем обещания политика.

– Исследования займут некоторое время. Если хотите, можете спуститься в кафе и пообедать. Вы успеете.

Медсестра вышла. Нэнси и Мэрфи в нерешительности замерли, осматривая палату с таким видом, словно только что были перенесены сюда посредством какого-то колдовства.

– Пойдем в кафе? – спросил Мэрфи.

Нэнси отрицательно покачала головой.

– Я еще не проголодалась.

– Может, кофе?

– В больнице должен быть бар.

– Ты же никогда не пьешь до половины шестого.

– Пора начинать.

Нэнси повернулась к окну, а затем, обуреваемая внезапной мыслью, порывисто обернулась к мужу.

– Надо сказать Пэкстону.

Мэрфи отрицательно покачал головой.

– Не стоит. Не сейчас, по крайней мере. Забыла? Его команда теперь находится вне зоны покрытия. Мы все равно не сможем до него дозвониться.

– Но должен же быть способ? – не унималась Нэнси.

– Если мы полезем не в свое дело и Биби узнает, она с нас скальпы снимет. Они еще не женаты, но с каждым днем дочь становится все больше на него похожа: такая же трезво-мыслящая и расчетливая, осознающая, что по чем в жизни...

Нэнси понимала – муж прав.

– Кто бы мог подумать, что мы будем волноваться за нее, а не за него!

Женщина стала переключать каналы телевизора. Ничто не могло отвлечь ее от невеселых мыслей, передачи казались донельзя глупыми, а от новостей Нэнси впала в еще бóльшую депрессию.

Они отправились в кафе пить кофе.

9. В туннеле судьбы

Позже Биби рассказали, что, хотя по результатам компьютерной томографии оказалось невозможно точно установить диагноз, кое-какие подозрения КТ все же зародила у врачей. Медики, откровенно говоря, предпочли бы иметь дело с инсультом, а не с тем, о чем они начали подозревать. Исключив возможности закупорки кровеносного сосуда или кровоизлияния, докторá продолжили с еще большим упорством дознаваться, в чем же дело, при этом не делясь с пациенткой своими подозрениями. На их лицах застыли улыбающиеся маски, свидетельствующие, впрочем, не о том, что они желали обмануть Биби. На самом деле врачи не менее своих пациентов стараются жить надеждой.

Позже она узнала, что в случае закупорки кровеносных сосудов и кровоизлияния наилучшим для нее диагнозом с наибольшими шансами на полное выздоровление стал бы абсцесс головного мозга, представляющий собой заполненную гноем пустоту, вокруг которой воспаляются клетки этого органа. Такое заболевание опасно для жизни, но лечится антибиотиками и кортикостероидами. Обычно хирургическое вмешательство оказывается излишним.

Медики взяли у нее кровь, сделали рентген грудной клетки, отправили пациентку на электроэнцефалограмму, продолжавшуюся почти час, чтобы изучить электрическую активность ее мозга...

Ко времени, когда коляску с Биби вкатили в другой кабинет, где ее ожидала магнитно-резонансная томография, девушка чувствовала себя так, словно преодолела за день бесчисленное число ступенек, бегая по лестницам. Она не просто устала, она *умирала* от усталости. Учитывая, как мало сегодня ей пришлось двигаться, Биби рассудила, что необычайное утомление вызвано не физическими нагрузками, а болезнью. Это очередной симптом ее недуга наравне с покалыванием в левой части тела, мерзким привкусом во рту и онемевшей левой рукой.

Есть ей не хотелось. К тому же принесли только воду. Возможно, голодание было необходимо для проведения дальнейших процедур... А быть может, врачи просто спешили поскорее поставить правильный диагноз.

Магнитно-резонансный томограф представлял собой замкнутый туннель, диаметр которого ненамного превышал размеры человеческого тела.

– Вы не страдаете клаустрофобией?

– Нет, – твердо ответила Биби.

Она отказалась от слабого успокоительного, предложенного ей, и сама легла на стол, который должен был закатить ее тело в зловеще выглядевший цилиндр. Биби решительно отказывалась допустить, что она может страдать от подобного рода слабости. Она уважала

твердость, стойкость, целеустремленность... Вместо того чтобы принять успокоительное, девушка вставила себе в уши наушники-капельки и согласилась взять небольшое устройство, нажав на которое могла бы известить техника о том, что с ней что-то не так.

Ей предстояло долго находиться в магнитно-резонансном томографе. Современные технологии позволяют делать это очень-очень тщательно. Высокотехнологичный томограф может измерить интенсивность деятельности нейронов в мозгу. Магнитно-резонансная ангиография дает точное представление о сердечной деятельности и кровотоке. Магнитно-резонансная спектроскопия обеспечивает детальный анализ химических изменений, вызванных разными болезнями.

Музыка не сопровождалась словами. Это была смягченная оркестровая аранжировка песен, многие из которых Биби не узнавала. Время от времени томограф издавал глухой звук, прорывавшийся сквозь мелодию. Казалось, технику изредка приходится «пришпоривать» аппарат, стуча по нему молотком. Биби слышала собственное сердцебиение. Рука вспотела, и сигнальное устройство стало невообразимо скользким.

Биби зажмурилась, постаравшись отвлечься от мыслей о Пэкстоне Торпе. Замечательный мужчина во всех отношениях: красивое тело, красивое лицо, красивые глаза, доброе сердце и острый ум. Прошло чуть больше двух лет с момента их знакомства. Пять месяцев назад она приняла предложение Пэкстона. Его имя, так же как и ее, имело свое особое значение. Пэкстон в переводе означает «мирный городок». Учитывая, что жених Биби был морским котиком ВМС⁷, воспринимать его имя без толики иронии никак не получалось. Сейчас он со своими людьми находится на задании, которое требует полного радиомолчания. Вместе со своей командой он наказывает теперь плохих людей, которые, без сомнения, заслужили куда более суровой кары. Группа выйдет на связь только по прошествии недели, возможно, десяти дней. Никаких телефонных звонков. Никаких сообщений через «Твиттер». Никакой возможности подать весточку Пэкстону о том, что произошло с его невестой.

Биби очень по нему скучала. Когда-то Пэкстон сказал ей, что она станет для него тем стандартом, по которому он в конце жизни будет судить, насколько достойно он прожил ее, оказался подделкой или настоящим человеком. Биби уже поняла, что он настоящий, ее твердая опора. Ей ужасно хотелось, чтобы любимый был сейчас возле нее, но она успела перенять стоический кодекс поведения жен военных. Она не будет плакать, когда его не окажется рядом с ней. Иногда она даже думала, что в прежней жизни была женой военного: так легко и естественно вживалась в новую для себя роль.

Жужжащий аппарат вдруг сотряс глухой стук. Рот Биби наполнился слюной. Как и прежде, ее так и не вырвало. Постепенно тошнота отступила. В мозгу девушки послышались слова матери: «*Чему быть, того не миновать*». Эти пять слов были мантрой Нэнси и Мэрфи. Так они понимали естественную природу жизни и судьбы. Биби любила отца и мать столь сильно, насколько можно любить родителей, но их понимание природы мира ее не устраивало. Она не собиралась что-либо оставлять на волю случая...

10. Что же она за девушка...

В четыре часа дня доктор Санджай Чандра был назначен лечащим врачом Биби.

Нэнси он понравился с первого взгляда. Причина этой симпатии, впрочем, была несколько необычной. В детстве Нэнси очень увлекалась сказкой об ожившем пряничном человечке из имбирного теста. На иллюстрациях в книге человечек, которого звали Печенька, изображался не таким темным, как имбирное тесто. Кожа у него была оттенка корицы. Милое округлое лицо и капельки шоколада вместо глаз. Если бы книжка не была

⁷ То есть разведчиком-диверсантом сил специальных операций ВМС США.

напечатана по крайней мере лет сорок назад, Нэнси, чего доброго, подумала бы, что художник знал доктора Чандру лично и своего пряничного человечка срисовывал с него. У врача был мелодичный спокойный голос. Таким голосом, вероятно, и обладал бы оживший Печенька. Манеры доктора также оказались очень приятными.

После всевозможных исследований и анализов Биби привезли в палату. Девушка находилась в состоянии крайнего изнеможения. Это тревожило ее, но она тотчас же уснула и проспала до самого ужина. Казалось, ее накачали сильным успокоительным.

Доктор Чандра предпочел не тревожить пациентку. Лучше дождаться следующего дня, а потом обсудить с ней результаты ее обследования. Так у него будет больше времени хорошенько их обдумать. Биби уже исполнилось двадцать два года. Она вышла из-под опеки своих родителей, но доктор Чандра все же предпочел первым делом переговорить с ними, чтобы «определить, что же она за девушка», как он выразился.

Нэнси и Мэрфи уселись с ним за столик в комнате отдыха в северном крыле четвертого этажа. Они были здесь одни, никого из персонала в этом месте не оказалось. Торговые автоматы тихо гудели, словно обдумывали что-то очень важное. Безжалостный свет флуоресцентных ламп не располагал к излишней откровенности.

– Я сказал Биби, что для обработки всех данных понадобится некоторое время. После надо определиться с диагнозом и назначить ей курс лечения, – сообщил доктор Чандра. – Приду к ней завтра в десять часов утра. Я всегда стараюсь сообщать поставленный мною диагноз и прогнозы дальнейшего протекания болезни наиболее приемлемым для пациента образом, поэтому было бы крайне желательно заблаговременно знать о характере и психологическом состоянии моей пациентки.

Нэнси услышанное не понравилось. Хорошие новости не нуждаются в тщательном подборе слов. Ей хотелось высказать это вслух, но неожиданно женщина заметила, что у нее перехватило дыхание.

– Биби – исключительно одаренная девушка, – промолвил Мэрфи.

Пожалуй, никто, кроме Нэнси, не смог бы почувствовать, как он волнуется. Он смотрел только на врача, словно боялся, что, взглянув на жену, может расклеиться.

– Она умная, куда умнее меня. Биби догадается, если вы от нее хотя бы что-то утаите, и очень огорчится. Она предпочтет узнать все наверняка, без экивоков и недоговорок. Характер у нее куда сильнее, чем может показаться.

Мэрфи принялся рассказывать врачу о смерти Олафа, золотистого ретривера, который умер лет шесть назад, когда Биби исполнилось шестнадцать. Сначала Нэнси показалось странным, почему муж счел, что эта история имеет хоть какое-то отношение к происходящему с ними сейчас. Однако, слушая Мэрфи, она поняла, что этот рассказ может дать доктору Чандре вполне ясное представление о том, какой девушкой является Биби.

Врач слушал не перебивая, только кивнул несколько раз, словно и не имел других пациентов, кроме Биби.

Когда Мэрфи окончил рассказ о смерти Олафа, Нэнси отважилась задать вопрос, хотя голос ее при этом дрогнул:

– Доктор Чандра... А что вы за врач? Ну, я хочу знать, какая у вас специализация...

Медик смотрел ей в глаза прямо, будто решил для себя, что свое упрямство и стоицизм Биби унаследовала от матери.

– Я онколог, миссис Блэр. А еще точнее – онколог-хирург.

– Рак? – промолвила Нэнси таким тоном, словно «рак» был близким синонимом слова «смерть».

Зрачки цвета темного шоколада светились теплом и сочувствием. А еще Нэнси увидела в них то, что приняла за печаль.

– Хотя мне бы хотелось еще раз перепроверить результаты ее обследования, я в достаточной мере уверен в том, что мы имеем дело с глиоматозом головного мозга. Болезнь зарождается в клетках соединительной ткани этого органа и быстро распространяется вокруг пораженного участка.

– А что служит причиной? – задал вопрос Мэрфи.

– Мы не знаем. Это очень редкое заболевание. Ученые просто не имеют возможности досконально изучить его. Во всех Соединенных Штатах случается не более сотни случаев за год.

Нэнси вдруг осознала, что подалась всем телом вперед и теперь держится обеими руками за краешек стола, словно желая обрести точку опоры в надвигающемся на нее урагане.

– Вы собираетесь удалить опухоль? – произнес Мэрфи.

В его интерпретации вопрос прозвучал преисполненным надежды.

После непродолжительного колебания онколог сказал:

– Эта опухоль не похожа на другие раковые. Строением она напоминает паучью сеть и поражает не только лобную долю головного мозга. Ее трудно обнаружить, выявить злокачественные клетки... Иногда, главным образом, когда это маленькие дети, мы оперируем, но в редких случаях добиваемся удовлетворительных результатов.

По-видимому, немного успокоенный тем, что глиому трудно обнаружить, Мэрфи ухватился за другую надежду:

– И как ее лечить? Химиотерапией? Излучением?

– Часто так и бывает. Именно поэтому мне надо посмотреть результаты ее обследования, прежде чем решить, как мы сможем продлить ей жизнь.

Хотя Нэнси вцепилась в край стола мертвой хваткой, она почувствовала, что ее уносит волной отчаяния, такой же реальной, как любая океанская волна.

– Как так продлить?

В сверкающих глазах врача таилось знание, спрятанное в самой их глубине. Внезапно Нэнси захотелось, чтобы он ничего им не рассказывал.

Доктор Чандра окинул взглядом сидевших напротив него за столом Мэрфи и Нэнси, а потом очень тихо произнес:

– Мне тяжело говорить это вам, но излечить подобную болезнь невозможно. Обычно люди живут после установления диагноза около года.

Нэнси едва могла дышать... Ей вообще не хотелось дышать...

– А с химиотерапией? – спросил Мэрфи.

Смятение онколога было столь очевидным, а его сочувствие – настолько искренним, что Нэнси, хотя иррационально желала его ненавидеть, не могла добиться этого от себя.

– Год с химиотерапией, – сказал Санджай Чандра. – И еще... у вашей дочери рак находится в очень запущенной стадии...

11. Время, когда она поверила в волшебство

Когда Биби проснулась, она первым делом освежилась в ванной комнате. Отражение в зеркале ее удивило. Глаза сверкали. Щеки горели румянцем, а губы казались подведенными, хотя она не делала макияж. Она выглядела куда лучше, чем чувствовала себя, словно сейчас девушка смотрела не в зеркало, а заглядывала в параллельную реальность, где жила другая, здоровая Биби Блэр, которую ничто особенно не тревожило.

Ощувив голод, девушка прилегла, решив дожидаться возвращения родителей или больницы. Покалывание в левой стороне ее тела стало менее заметным. Левая рука

теперь лучше слушалась ее, а левую ногу при ходьбе больше ни разу не доводилось тащить за собой. За последние несколько часов она не ощущала мерзкого вкуса во рту.

Биби довольно ясно понимала, что это избавление от неприятных симптомов ее болезни, какова бы она ни была, временное. Несмотря на мириады чудес и утонченную красоту, мир жесток. За днями радости и покоя в этом мире следуют дни тревог, бед и страданий. Таким мир сделали сами люди. До сих пор в ее жизни было больше спокойной радости, чем уныния, больше успехов, чем невзгод, но Биби знала: рано или поздно ей придется столкнуться с бедой и пройти через горнило испытаний. Пока есть шанс все выдержать и победить, она не станет донимать окружающих своими жалобами, не станет тратить силы на то, чтобы желать волшебного избавления от своей болезни.

Было время, когда маленькая Биби верила в волшебство. Популярная серия книг о юных волшебниках произвела на девочку должное впечатление, хотя даже тогда ей больше нравились другие книги. К тому же кое-какие события в ее жизни навели Биби на мысль, что иной мир существует. Этот мир может быть как светлым, так и темным. Во-первых, ее песик Олаф появился у нее словно по волшебству в тот момент, когда она больше всего в нем нуждалась. А до и после появления золотистого ретривера в жилых помещениях над гаражом происходило такое, что легко могло быть объяснено вмешательством сверхъестественного.

Все это осталось в далеком прошлом. Время имеет свойство умалывать то, что кажется чудесным в детстве, отбрасывая на него свою тень. Сейчас, вспоминая о тех событиях, Биби видела, что прежнее яркое сияние тайны теперь покрывал тусклый налет. Возможно, всему случившемуся тогда есть вполне разумные объяснения.

В четверть шестого принесли ужин, и Биби очень удивилась тому обстоятельству, что еда на подносе разительно отличалась от общепринятого представления о больничной пище. Она вновь едва не поверила в волшебство при виде толстого куска мясного рулета, картофельного пюре со сливочным маслом и политой соусом овощной смесью, над которой поднимался пар. Овощи на вкус совсем не были похожи на консервированные. Засунув бумажную салфетку себе за вырез пижамы, Биби принялась есть с энергией вернувшегося после долгого рабочего дня лесоруба.

Она как раз доедала вишневый пирог с толстой верхней коркой, запивая его кофе, когда в палату вошли ее родители. С первого взгляда дочь определила, что с ними что-то не так. Перед ней стояли точные копии ее мамы и папы, добротные сделанные из пастообразного вещества внеземного происхождения. Внешне они были неотличимы от настоящих Мэрфи и Нэнси, вот только вели себя по-другому. Они слишком много фальшиво улыбались. Сколько Биби себя помнила, ее родители были очень жизнерадостными людьми. Теперь они представляли собой бомбы с часовым механизмом.

Биби подумала, а не могут ли они знать что-то такое, чего не знает она. Скорее всего, нет. Вполне возможно, того, что она загремела в больницу со всеми этими тревожными симптомами, оказалось достаточно, чтобы лишить родителей покоя. Философия типа «плыви по течению» хороша до тех пор, пока ты не сталкиваешься с такой проблемой, что плыть дальше просто не получается. Сейчас ее мать и отец сели на мель, но продолжали стараться плыть по течению.

В любом случае, если они даже знают что-то неутешительное, Биби предпочла бы услышать об этом не от них. Родители разволнуются, и ей придется их успокаивать. Когда утром она будет разговаривать с доктором Чандрой, ей понадобятся самообладание и ясная голова. Что бы это ни было, Биби следует все хорошенько обдумать, тщательно просчитать варианты. Ей надо найти правильную дверь, ведущую из темной комнаты, или, если ситуация хуже, чем ей сейчас кажется, попытаться пролезть в ушко иглы дьявола и улизнуть прежде, чем он зашьет ее в саван.

Когда стало ясно, что родители не решаются покинуть свою дочь, несмотря на то что часы приема уже истекли, Биби притворилась, будто начинает засыпать, хотя угол подъема больничной кровати удерживал ее в полулежащем положении. Это вынудило родителей попрощаться с ней. Напоследок они поцеловались, обнялись и сказали друг другу, что все будет хорошо.

Как только они ушли, Биби пожалела, что отпустила их, но назад не позвала. Оставшись одна, девушка вытащила из лежащего на тумбочке рюкзачка ручку и перекидной блокнот небольшого формата. Она прихватила с собой книжку в бумажном переплете, однако читать ее сейчас не хотелось, как не хотелось и смотреть телевизор. Вместо этого она аккуратным почерком принялась записывать события минувшего дня, уделяя особое внимание всему тому, что чувствовала и о чем думала по мере того, как ухудшалось ее состояние. Наиболее интригующим было то обстоятельство, что в своих мыслях она сегодня несколько раз возвращалась в те годы, когда была маленькой, верящей в волшебство девочкой, жившей вместе со своими родителями в бунгало в Корона-дель-Мар.

12. Шаги невидимки

Двенадцатью годами ранее

Стояло ранее воскресное утро. Февраль выдался дождливым. До появления мокрого безымянного песика, бредущего по тротуару со стороны океана, оставалось еще полтора месяца. Запасные ключи висели в кладовой, на вделанном в деревянный щиток крючке. Биби Блэр взяла тот, что от квартиры над гаражом, и тихонько выскользнула из кухни. Выйдя на заднее крыльцо бунгало, девочка бесшумно притворила за собой дверь.

Родители, как обычно в последний день недели, спали допоздна. По воскресеньям Нэнси не ездила смотреть выставленные на продажу дома. В период сезонного затишья магазин «Погладь кошку» работал с понедельника по субботу включительно. Родители встречались с друзьями, а домой вернулись далеко за полночь. В их отсутствие за Биби присматривала Честити Брикл, нестерпимо самовлюбленная пятнадцатилетняя девчонка, которая, без сомнения, уже многократно поступила наперекор своему имени⁸.

Еще несколько часов родители будут спать.

Дождь почти закончился еще до зари. Теперь покрытое низко нависшими тучами серое небо по цвету напоминало больше золу, чем намыленную тряпку уборщицы. Биби не стала брать с собой зонт. Огибая лужи, она быстро побежала по мощенному кирпичами внутреннему дворику к гаражу, стоявшему в конце их земельного участка.

Взобравшись по лестнице, девочка встала на балкончике и оглянулась на бунгало, опасаясь, как бы ее все же не заметили. Мама и папа не знали, что она посещает квартирку над гаражом. Ничего позорного или плохого в этом не было, но Биби не хотелось, чтобы родители узнали ее тайну.

Отперев входную дверь, девочка оказалась на небольшой по размерам кухне. Вот длинные столы со столешницами из голубой огнеупорной пластмассы. Линолеум в голубую и серую крапинку на полу. Обеденный уголок и два стула. Прошлогодний календарь с ноябрьской страницей. На электронных часах микроволновки горело точное время, а вот холодильник не гудел. Его отключили еще несколько недель назад. В прохладном спертom воздухе ощущался легкий запах плесени.

⁸ Chastity – целомудренная, невинная (фр.).

Биби никогда не зажигала свет, боясь, что это может ее выдать. Не зажигала днем и тем более в утреннем полусумраке. На двух окнах не было жалюзи, но внутрь проникало лишь сероватое свечение, не намного ярче лунного света.

Посередине стола виднелась белая ваза с узким горлышком. В такую можно поставить лишь несколько роз или гвоздик. Сейчас ваза была пустой. От нее исходило слабое свечение, как от хрустального шара на столе у гадалки.

Биби смотрела на то место пола у первого стула, где был найден труп. Все давным-давно оттерли, но девочке казалось, что в воздухе она улавливает едва ощутимый неприятный запах крови. От отвращения Биби сморщила носик. После стольких приходов сюда квартира утратила в ее глазах всю свою таинственность. Возвращаясь, она начинала нервничать и становилась грустной. Иногда ее мучили плохие сны, но Биби продолжала приходить в это место. Она понятия не имела, что же ее сюда притягивало. Девочка не знала, что именно могло здесь произойти. Родители сказали ей: *«Иногда такое случается»*. Они, конечно же, правы.

Помимо кухни, квартира состояла из мебелированной гостиной, обставленной спальни, ванной комнаты и большого стенного шкафа. Обычно Биби делала обход помещения, встревоженная и внимательная, в состоянии, близком к трансу. Она и сама не знала, что ищет.

Биби прошла по кухне и замерла у приоткрытой двери, ведущей в гостиную. Она остановилась, заслышав звук шагов, доносящийся из комнаты. Полы в спальне и гостиной устилали доски твердых пород дерева, на которых лежали небольшие половички. Если судить по звукам, это должен был быть грузный мужчина. Несколько раз половицы скрипнули. Не каждый шаг заканчивался скрипом, но Биби хватило этого, чтобы понять: шум доносится из комнаты, а не откуда-то снаружи.

Хотя именно девочка нашла труп, она сначала не испугалась. Услышанное скорее заинтриговало ее. Вдруг она подумала о том, что приходит сюда именно за тем, чтобы встретиться с ним. Вот только она не имела ни малейшего понятия, чего же ждет от этой встречи.

Звук шагов стал ощутимее. Человек явно перешел теперь в гостиную. Он медленно направлялся к двери.

Биби стало страшно. Впрочем, это не был слепой страх, а тем более ужас. Она попятилась назад по направлению к двери, через которую вошла сюда.

Зловещие шаги замерли перед входом в гостиную. Именно такая тишина и составляла часть ее беспокойных снов. Казалось, сейчас занавес опустится и все будет хорошо, но каждый раз затишье лишь предшествовало финальному ужасу, после которого девочка, тяжело дыша, просыпалась...

Раздался тихий скрип – плохо смазанные петли начали медленно поворачиваться на металлических стержнях. Дверь открывалась в кухню, поэтому Биби не видела того, кто стоял в гостиной. Она вспомнила кровь и страшные глаза трупа, обнаруженного в ноябре. Девочка бросилась наутек. Она не отдавала себе отчета в том, что убегает, пока не спрыгнула с последней ступеньки на мощный кирпичами двор.

Биби оглянулась. На ступеньках никого не было, а дверь квартиры оказалась закрытой. Должно быть, она захлопнула ее, когда убегала.

Постепенно небо над головой наполнило свой резервуар свинцовыми тучами, пригнанными ветром со стороны океана. Биби стояла и смотрела на окна кухни. Из сумрака квартиры над гаражом не выглядывало чье-либо лицо. Она вообще не замечала никакого движения за оконными стеклами.

Наконец девочка, вернувшись, уселась на плетеную скамейку на заднем крыльце бунгало. Здесь она оставила книгу в бумажной обложке и блокнот, в который записывала рассказы о похождениях одинокого песика Джаспера.

Чуть позже на крыльцо вышел отец. Он, как всегда, собирался начать воскресный день с осмотра квартиры над гаражом, проверить, не течет ли крыша, нет ли каких-либо других проблем.

– Папа!

Когда отец, стоя на нижней ступеньке крыльца, взглянул на дочь, она продолжила:

– Будь осторожнее.

Он нахмурился.

– Чего мне опасаться?

– Не знаю. Мне кажется, я слышала, как там кто-то шумел.

– Скорее всего, это опять енот. Залез, паршивец, через чердак, – в своей обычной беззаботной манере ответил Мэрфи. – На этот раз я потребую от него арендную плату.

Отец вернулся через десять минут, не найдя в квартире ни енота, ни любого другого непрошеного квартиранта.

Когда небо решило пролиться дождем, маленькая Биби вернулась в свою комнату писать о Джаспере.

Прошло две недели, прежде чем она отважилась вновь посетить квартиру.

13. Снова молоды в горе

По дороге из больницы домой, несясь сквозь тьму враждебной ночи, Мэрфи и Нэнси хранили горестное молчание. Безмолвие казалось ужасно тяжелым, душило и давило на них. Несколько раз то Мэрфи, то Нэнси пытались разрушить его парой слов, но так и не смогли преодолеть смятение, что царило в их душах и было вызвано грозящей им утратой... невообразимой утратой.

Преуспев в розничной торговле и риелторстве, они три года назад перебрались из бунгало в двухэтажный светло-желтый оштукатуренный дом, щеголяющий своей гламурной новизной. Они до сих пор жили в этом районе Корона-дель-Мар, известном как Деревня, но теперь их отделяло не три квартала от побережья, а чуть более одного. С плоской огороженной крыши, из комнаты верхнего этажа и с веранды на первом этаже они могли любоваться океаном в конце тянущейся с запада на восток улицы.

Мэрфи гордился тем, что две серферные крысы, к которым он до сих пор причислял себя и Нэнси, смогли, не отрываясь от своих пляжных корней, тем не менее урвать жирный кусок калифорнийской мечты. В ту ночь, однако, дом не грел ему душу. Он казался холодным и чужим, словно они по ошибке проникли в жилище незнакомых людей.

В прошлом они всегда находили взаимопонимание, помогали друг другу, соединенные почти сверхъестественной духовной связью, которую не могли разрушить никакие жизненные невзгоды. Мэрфи полагал, что они сядут на кухне, зажгут слабый свет, возможно, обойдутся свечами, а потом вместе решат, каким образом противостоять ужасу и боли, которые обрушились на них.

Как оказалось, ни он, ни его жена не были готовы к этому. Душевное потрясение по прошествии многих часов лишь увеличивалось и не только лишило их тихой гавани, но и откинуло назад во времени. Каждый решил справляться с горем так, как справлялся в молодости. Без сомнения, скоро они опять будут вместе, скоро, но не сейчас.

Нэнси отправилась в гостевую ванную комнату на первом этаже, схватила коробку косметических салфеток, с грохотом опустила крышку унитаза и уселась сверху. Затем послышался настолько жалостливый звук терзаемого горем человека, что Мэрфи, признать, не помнил, доводилось ли ему слышать подобное прежде.

Когда он заговорил с женой и попытался войти, то услышал:

– Нет... Не-е-е... сейчас...

Нэнси захлопнула дверь у него перед носом.

Чувствуя всю свою беспомощность и бесполезность, мужчина стоял и вслушивался в отчаянные рыдания, в почти животные звуки, рожденные всепоглощающей безысходностью, рвущиеся из потока неровных вздохов жены. Она вела себя словно ребенок, терзаемый в равной мере несчастьем и страхом. Его сердцебиение участилось в унисон с ней до такой степени, что он больше не мог этого сносить.

Если в своем горе Нэнси вернулась в детство, то Мэрфи впал в сердитый бунт отрочества. Прихватив из холодильника упаковку с шестью жестяными банками пива, он поднялся на крышу. Ему ужасно хотелось накинуться на кого-нибудь и бить до тех пор, пока не устанет, а костяшки его пальцев не опухнут. Кто-то обязательно должен заплатить за несправедливость, пострадать за то, что Биби заболела раком, но никто, по-видимому, не собирался вступать с ним в конфликт. Трудно найти виновного в мире, в котором «чему быть, того не миновать». Драться было не с кем, поэтому Мэрфи уселся на шезлонг красного дерева, открыл банку с «Будвайзером» и с жадностью принялся пить, глядя поверх крыш соседних домов, поверх нескольких фонарей, расположенных вдоль отвесного берега, на безбрежный ночной океан под безлунным небом. Его черноту оттеняла лишь еще бо́льшая чернота космоса, испещренная льдинками звезд. Прибой через одинаковые промежутки времени накатывал на берег. Когда Мэрфи пил вторую банку, он расплакался. Это лишь рассердило его еще больше. Чем злее он становился, тем сильнее рыдал.

Он пожалел, что после смерти Олафа они не завели другого пса. Собаки без слов умеют утешать людей. Они знают и принимают тяжелую правду жизни, которую люди стараются не замечать до тех пор, пока эту неприглядную истину не облекут в слова. Даже после этого в их признании больше горечи, нежели смирения.

Без собаки, а вскоре, возможно, без дочери. После второй банки пива Мэрфи ощутил себя потерянным. Если бы он вдруг сейчас решился спуститься к жене, то, чего доброго, вполне мог не найти дороги вниз с крыши.

Скрипнул металл. Дернув за кольцо, он открыл третью жестяную банку с пивом.

14. Она села, села, села в кровати

Сон, который Биби увидела в первую свою ночь в больнице, был тем же самым, что она время от времени видела на протяжении более чем двенадцати лет. Впервые этот сон посетил ее незадолго до появления в ее жизни Олафа.

Ей было десять лет. Биби спала в бунгало в Корона-дель-Мар. Окна ее спальни выходили во двор. Во сне она не хныкала, не дергалась, но на едва освещенном личике застыло выражение страдания.

Внезапно Биби резко села в постели. Это пробуждение, впрочем, составляло часть сна. В ответ на три пронзительных крика ночной птицы девочка откинула в сторону одеяло и подошла к окну.

Во внутреннем дворике, освещенном лишь улыбкой чеширской луны⁹, две таинственные фигуры в каких-то мантиях с надвинутыми на головы капюшонами несли что-то завернутое в ковер по направлению к лестнице, ведущей к жилым помещениям над гаражом. Высокие, неуклюже передвигающиеся фигуры. Видно было плохо, но Биби все же внутренним чутьем ощутила их некую неправильность, уродство в очертаниях рук, ног и спин.

Когда Биби поняла, что ковер на самом деле – это саван, девочка решила, что они возвращают покойника на место его кончины. Словно ощутив тяжесть ее взгляда, один из несищих труп обернулся и взглянул на стоящую у окна Биби. Девочка ожидала разгля-

⁹ Так называют фазу Луны, когда она визуальна похожа на улыбку, расположенную горизонтально относительно Земли.

дети под капюшоном едва видимый в темноте череп, так принято изображать Смерть, но увиденное оказалось куда хуже. Внезапно ночь прояснилась, будто солнце вспыхнуло с противоположной стороны планеты и эта вспышка теперь отразилась от серпа луны. Под капюшоном скрывалось больше тайн, чем можно было предположить. Прежде чем существо отвернулось, Биби увидела такое, что просто не укладывалось в ее голове. Оно было настолько ужасным, что она не могла, не имела права перенести этот образ в реальный мир, когда проснется. Нужно оставить его в мире снов, забыть, по крайней мере, подавить эти воспоминания...

Во второй раз маленькая Биби проснулась во сне и поднялась на своей постельке – задыхающаяся, дрожащая, оцепеневшая до мозга костей. Она включила свет и увидела завернутый в саван труп, тот самый, который несли те двое существ с капюшонами на головах. Труп сидел на стуле в углу. Пару секунд он оставался неподвижным, затем пошевелился и заговорил.

В третий раз, когда Биби села на своей постели, это произошло в реальном мире, где она уже не была маленькой девочкой. После долгих повторений кошмар утратил большую часть своей власти над ней. Она теперь не плакала и не дрожала всем телом, просыпаясь. Лишь по затылку бегали мурашки, а на лбу выступал холодный пот.

Подобно всем предыдущим случаям, на этот раз грубый голос опять последовал за Биби из сна, выговаривая, как обычно, вырванные из контекста слова. Теперь она расслышала «всё есть». Голос всегда был одним и тем же, а вот слова были разными. Иногда он произносил «верховный господин», или «так грустно искать», или «слово было»... Порой услышанное казалось еще более загадочным.

На соседней койке никто не лежал. В палате она по-прежнему оставалась одна.

Окно закрылось искусственной желтоватой изморозью свечения, что испускал быстро расширяющийся за счет окрестных селений город. Над изголовьем Биби едва горела лампочка, в свете которой девушка перед сном записывала впечатления прошедшего дня. Этого света хватит разве что для того, чтобы зашедшая в палату медсестра хорошо могла разглядеть пациентку.

Когда Биби было десять, кошмар часто посещал ее. Со временем, по прошествии нескольких лет сон снился ей все реже и реже. Теперь Биби видела его не чаще одного-двух раз в год. В детстве ей казалось, будто сон вещий. Но эта мрачная фантазия совершенно не сочеталась с реальностью.

Став постарше, Биби порой задумывалась, не имеет ли повторяющийся сон скрытый символический смысл. Страшное сновидение возвращалось вновь и вновь. Не является ли это свидетельством психологического дисбаланса и чрезмерной впечатлительности, ожидания чего-то эдакого? Но нет же. Биби совсем не напоминала героиню дешевого подросткового романа, молоденькую, преисполненную трагизма девушку-тинейджерку, которая прячет свою трехполюсную психопараноидальную сущность оборотня от всего мира и делает это до тех пор, пока не срывается за день до того, как ее выберут в самые популярные девочки среди девятиклассниц и она заслужит поцелуй самого крутого и красивого парня-бунтаря школы. Даже в юном возрасте Биби была собранной, уверенной в своем праве на этот мир и в том, что сможет добиться чего захочет на собственных условиях.

Сейчас она понимала истинную природу сна: обнаружение трупа за обеденным столом произвело на нее в детстве серьезное впечатление, ставшее потрясением... Вся эта кровь, пустой взгляд остекленевших глаз, открытый в немом вопле рот...

Прикроватные часы показывали 03: 49. Через шесть часов она узнает свой диагноз. У нее не было причин испытывать боязнь в отношении доктора Санджая Чандры, как не было оснований бояться тех, кто нес мертвеца в ее сне. На свете нет бугименов. С ней все будет хорошо, и со всем остальным – тоже.

Откинувшись назад, Биби положила голову на подушку и прикрыла глаза. Она сказала себе, где будет через день, через неделю, через год... Девушка заснула, и на этот раз кошмары ее не тревожили.

Когда начался припадок, судорога прошла по ее телу. Из горла вырвалось нечленораздельное мычание. Впрочем, это продолжалось всего несколько секунд. Биби даже не проснулась.

15. Момент истины среди многих

В палате № 456 стояли три стула для посетителей. Они были дешевыми и настолько неудобными, насколько вообще могли быть, чтобы не утратить права называться стульями.

Доктор Санджай Чандра не хотел возвышаться над Биби, пока будет рассказывать девушке о состоянии ее здоровья. Он поставил два стула у окна и усадил пациентку напротив себя. Справа от Биби виднелось голубое небо и плывущие по нему облака. Можно было вообразить себе, что она сейчас пребывает в фойе Рая.

Врач был одет в стального цвета строгие брюки и светло-голубую рубашку, на которой внакидку висел белый халат. На шее – голубой галстук. В руках врач держал лэптоп¹⁰, который давал ему возможность, если понадобится, взглянуть на результаты обследования Биби. В его внешности не было ничего внушительного или пугающего, что вообще-то свойственно специальности врача. Многие доктора вообще искусственно создают вокруг своих персон грозную ауру. Говорил он мягким голосом, спокойно и вполне искренне. Судя по всему, доктор Чандра уже давно справился с бесконечным стрессом, вызванным его профессией, а также одолел свои амбиции. Внешне он больше походил не на врача, а на консультанта-психолога.

Перед разговором с доктором Биби приняла душ, расчесала длинные черные волосы, накрасилась и накинула поверх пижамы шелковый халат сапфировой голубизны. Если врач принесет дурную весть, она не должна выглядеть жалкой и раздавленной.

Диагноз и впрямь оказался хуже, чем она могла надеяться: год жизни, проведенный в муках и постепенном увядании. Теперь Биби понимала, почему доктор Чандра захотел поговорить с ней наедине. Ни у папы, ни у мамы просто не хватило бы стойкости наблюдать за тем, как она узнает свой приговор. Как бы стоически Биби ни восприняла случившееся, они сорвались бы, и ей пришлось бы утешать родителей, а не заниматься обдумыванием тех малых возможностей, которые еще у нее оставались.

С мягкостью и состраданием священника, принимающего последнюю исповедь в камере смертника, доктор Чандра объяснил, что шансов у Биби никаких не осталось. Рак находится в запущенном состоянии. Даже если болезнь обнаружили бы раньше, глиоматоз головного мозга имеет тенденцию поражать все близлежащие ткани, поэтому хирургическое вмешательство никогда не приводит к полному выздоровлению. На данной стадии химиотерапия может отвоевать немного времени, но, возможно, и нет.

– А побочные эффекты, я боюсь, приведут к тому, что оставшиеся дни станут для вас, Биби, совсем безрадостными.

– Не обижайтесь, но не могли бы вы проконсультироваться у другого специалиста, – попросила девушка.

– Я обратился к доктору Берил Чемерински. У нее безукоризненная репутация, и она работает в другой больнице... никак со мной не связана. Берил подтвердила мои выводы,

¹⁰ Лэптоп (англ. laptop – lap – колени и top – верх) – термин, означающий как ноутбуки, так и нетбуки, смартбуки. (Примеч. ред.)

хотя, признаться, было бы гораздо лучше, если бы я ошибся. В любом случае остаются еще химиотерапия и облучение, но решать вам.

Биби встретила с доктором взглядом. Он не отвел глаз.

– Как говорится, настал момент истины... – наконец произнесла она.

– Я верю в истину, Биби, и вижу, что вы тоже верите.

Девушка опустила взгляд на свои руки, сжатые в кулаки. Вот только левая сжаться до конца не могла.

– Я хочу бороться. Химиотерапия, говорите? Один год... всего один год... Ну, это мы еще посмотрим.

16. Неуместное воспоминание

Доктор Санджай Чандра ушел, а Нэнси и Мэрфи пока не было видно, поэтому Биби уселась с ручкой и блокнотом на стуле у больничного окна и по горячим следам принялась выливать на бумагу свои мысли и чувства. Она была встревожена, однако еще не ощущала дыхания смерти. Диагноз не стал приговором, скорее уж он побудил ее действовать. Часто ее блокнот становился убежищем. Она бежала из этого мира в другой, где время было не властно над ней и она могла спокойно подумать о своих чувствах и впечатлениях прежде, чем выработать план действий. Это часто спасало Биби от слов и поступков, сказав и совершив которые она впоследствии обязательно пожалела бы.

Пока девушка сидела у окна, ее внимание отвлекла стая чаек. Больница располагалась всего в нескольких кварталах от океана. Птицы парили в воздухе, ныряли в воду, а затем вновь парили, погруженные каждая в себя. Они радовались своему дару полета. Их радость достаточно ясно была писана крыльями на небе. Так пишут свой восторг выполняющие фигуры высшего пилотажа самолеты, а на пляже собираются толпы, чтобы на все это посмотреть.

Девушке вспомнились чайки, кружившие в небе в то декабрьское утро, когда ей было восемнадцать лет. Она шла по территории кампуса университета, направляясь на встречу с доктором Соланж Сейнт-Круа, которая через электронную почту пригласила студентку пообщаться с ней. Чайки тогда тоже вели себя очень жизнерадостно. Девушке подумалось, что они – доброе предзнаменование перед встречей с профессором. Вскоре Биби поняла свою ошибку и вышла от доктора Сейнт-Круа сбитая с толку и озадаченная.

* * *

Несмотря на серьезную конкуренцию, Биби добила того, чтобы ее зачислили в качестве участника знаменитой программы по литературному творчеству для избранных. Некоторые из тех, кто посещал ее, с годами стали звездами литературы, авторами бестселлеров. В течение трех месяцев девушка прилежно оттачивала свое мастерство, пока ее работа не привлекла внимание доктора Сейнт-Круа, названной некоторыми богоматерью этой самой программы.

Обстановка кабинета профессора утверждала новые стандарты минимализма. Один стол из холодного металла со столешницей под черный гранит. Два стула. На стуле для посетителя лежала тонюсенькая мягкая подушечка. Кто бы на ней ни задержался дольше четверти часа, обязательно должен был ощутить дискомфорт. Слева от длинного окна стоял узкий книжный шкаф с восемью полками. Он был наполовину пуст, словно своим видом давал понять, что за всю историю книгопечатания лишь очень немногие произведения удосужились чести занять в нем свое место. На столе стоял лэптоп с опущенной крышкой. Рядом с ним лежало сочинение с фамилией Биби на титульной странице.

Доктор Сейнт-Круа была высокой, худой и довольно симпатичной женщиной, несмотря на седеющие волосы, собранные в узел, давным-давно вышедший из моды, и то, что одевалась так, как приличествует разве что вдове в годину траура. Она имела репутацию холодного, сдержанного человека, настоящего гуру в области литературы. Иногда эта женщина могла становиться любезной и остроумной, но крайне редко улыбалась, а свое остроумие проявляла тогда, когда окружающие меньше всего на это рассчитывали. Вследствие таких особенностей доктор Сейнт-Круа добивалась еще большего эффекта. Сейчас ее голубые глаза светились холодом, подобно химическому гелю в пузыре со льдом. Губы сложились в едва заметную усмешку.

Биби сообразила, что у нее неприятности, однако не могла понять, с какой стати.

– Мисс Блэр! – произнесла Сейнт-Круа. – Я так понимаю, в беседах с другими студентами вам доводилось высказывать свои сомнения о целесообразности вашего пребывания здесь.

Сбитая с толку тем, что ее, возможно, наивные сомнения обличили вот в такую резкую форму, Биби промолвила:

– Нет... совсем нет... Я многому тут научилась.

– Вы считаете, система вдохновения, лежащая в сердце нашей программы, – это стесняющий свод правил и сама программа в какой-то мере поощряет наследование.

– Кто-то преувеличил мои слова, доктор Сейнт-Круа. Все это неважно. Вполне естественно, если у человека возникают легкие сомнения...

– Наша система вдохновения не является стесняющим сводом правил, мисс Блэр.

– Нет, конечно нет.

– Мы не навязываем нашим студентам своих мыслей либо строгой системы правил.

Биби сомневалась, что это правда, однако благоразумно молчала.

– Коль вы полагаете, что мы это делаем, – продолжала доктор Сейнт-Круа, – у вас есть вполне оправданный повод уйти отсюда. Даже ваши родители, если рассердятся, должны будут понять – это разумно и порядочно с вашей стороны.

– Уйти? – переспросила Биби, которой показалось, что она неправильно расслышала.

С нескрываемым презрением профессор указала пальцем на четырехстраничное сочинение Биби.

– Как опрометчиво было с вашей стороны писать обо мне! Последнее задание предполагало выбрать среди студентов или преподавателей человека, которого вы знаете, но дома у которого ни разу не бывали. Под домом понималась как комната в общежитии, так и квартира либо личный особняк. Нужно было описать жилье человека, исходя из того, что вы знаете о его характере.

– Но, доктор Сейнт-Круа, вы сами называли себя в качестве примера.

– Вы прекрасно понимаете, дело не в том, что вы написали, а в том, что вы *сделали*.

– Я не понимаю. Что я сделала?

Биби отпрянула, когда увидела, что ее вопрос ни с того ни с сего до крайности рассердил Соланж Сейнт-Круа. Женщина взирала на нее с выражением праведного гнева. Нечто похожее досады и едва ли менее пылкое, чем ярость, изборозило ее лицо морщинами.

– То, что вы считаете хитростью, мисс Блэр, на самом деле является низким коварством. У меня не хватает на вас терпения. Я не собираюсь с вами обсуждать это... – Ее лицо покраснело. Казалось, она сейчас не столько рассержена, сколько смущена. – Если вы добровольно не уйдете, я сделаю так, чтобы вас исключили. Это затруднит ваше дальнейшее обучение и поставит пятно на вас как на писательнице, хотя сомневаюсь, что из вас вообще выйдет писатель.

Даже в то время люди не могли просто так отфутболить Биби. Девушка крепко держалась за свое мнение, когда считала, что правда на ее стороне. Она собиралась преуспеть,

несмотря на любые трудности. С другой стороны, Биби была предусмотрительным человеком. Она отлично понимала, что в возникшем, казалось, на пустом месте конфликте почти безоружна. Если она останется, то ей придется иметь дело с заклятым врагом, основательницей этой самой программы писательского мастерства. Если она продолжит обучение, ей не видать здесь будущего. К тому же, хотя за прошедшие месяцы она многому научилась, Биби на самом деле испытывала сильнейшие сомнения насчет методов преподавания.

Когда она потянулась к своему сочинению, Соланж Сейнт-Круа завладела им первой.
– Это мое доказательство. А теперь убирайтесь отсюда.

* * *

За окном чайки беспорядочной гурьбой устремились на запад и постепенно исчезли из виду.

Биби не понимала, почему чайки пробудили в ее голове воспоминания, связанные с доктором Сейнт-Круа. Почему вместо этого она не вспомнила один из сотен памятных случаев, связанных с серфингом или пляжем? Ведь там всегда есть чайки... Или это провидение связало сейчас и тогда? То, что она в тот момент ушла, принесло Биби благо. Она стала писательницей. Ее произведения начали публиковать гораздо раньше, чем если бы она осталась. Или потому, что смерть от рака мозга теперь кажется столь же неизбежной, как тогда казалось крушение ее карьеры? В этом имелся свой смысл, но интуитивно девушка чувствовала – не все так просто.

Она по сей день не узнала о причине гнева профессорши. Сейчас ее вдруг начало мучить подозрение, что это давнишнее обвинение, которое так и не было должным образом высказано, имеет какую-то мистическую связь со смертью от рака мозга, маячащую на горизонте.

17. Часы перед кризисом

Биби сидела на краю кровати и составляла список в перекидном блокноте, когда появились ее родители с явным намерением поднять дочери настроение. В этом они не преуспели. Стоило им переступить порог палаты, стало заметно, что напряженные взгляды их глаз плохо соотносятся с широкими улыбками на губах.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы они когда-либо вообще могли поднять Биби настроение. Она и только она сама была хозяйкой собственного настроения. Однако Биби не впала в депрессию, а тем более в отчаяние. На это у нее просто не было ни желания, ни времени. Как безнадежно ни звучал бы ее диагноз, он стал вызовом, а вызов надо принимать.

Биби до сих пор была инициативной девушкой с фантазией. Сейчас ей следовало дать своей матери поручения, которые она добавила к списку в блокноте.

– Меня здесь оставят до завтра, возможно, до послезавтра. Доктору Чандре нужно провести еще серию анализов, чтобы решить, какой курс химиотерапии мне прописать. Выбор за мной, а я намерена бороться. Тебе надо будет съездить ко мне на квартиру. Привези мне лэптоп. Хочу сама разобраться, что это за гадость, моя болячка. Еще мне нужна свежая смена белья и носки. Здесь у меня мерзнут ноги. Еще привези парочку мягких полотенец. Полотенца тут жестковаты. И прихвати мои витамины, а также айпод с наушниками. Тут мне придется пользоваться наушниками.

У Биби был свой почтовый ящик. Она попросила маму забрать и принести ей всю корреспонденцию. Записывая еще несколько поручений, девушка одновременно озвучивала их Нэнси. Закончив, Биби вырвала две страницы и передала их матери.

Радуюсь тому, что есть чем заняться, помимо ухода в тягостные размышления о болезни дочери, Мэрфи сказал:

– Мы разделим эти поручения, Нэнси. Ты займешься ее квартирой, а я поеду по другим местам.

– Нет, папа, – возразила Биби. – Пусть этим займется мама, а ты возвращайся к своим делам.

Мэрфи выглядел несколько озадаченным, словно он забыл, что является не только отцом.

– К каким делам?

– К тому, чем сейчас занимается Пого.

Отец покачал головой.

– Но я не могу...

– Можешь и должен. Если я все свое время посвящу борьбе, то писать не смогу. Скоро у меня закончатся деньги. Пока это продолжается, думаю, на мамины комиссионные рассчитывать не приходится. Тебе придется содержать меня так, словно мне опять исполнилось десять лет. По-другому не получится, папа.

Объятия. Поцелуи. Заверения в любви. Нескладные обещания встретить будущее вместе и победить, несмотря на все ужасные трудности. После этого родители ушли...

Приняв ванну, Биби стояла у раковины и мыла руки. Она смотрела на свое отражение в зеркале, а потом у нее начало двоиться в глазах. Черты ее расплылись, и вместо одного лица возникло два растекающихся. Должно быть, очередной симптом глиоматоза. Схватившись за край раковины обеими руками, Биби медленно перевела дух. Не ослепнет ли она? Пока нет. Взгляд прояснился.

18. Плохо и еще хуже

Биби обедала у окна, съела все до последнего кусочка. Нехирургические способы лечения рака часто вызывают продолжительные приступы тошноты и отсутствие аппетита. Надо забыть о стройности и набрать несколько лишних фунтов¹¹, чтобы подготовиться к предстоящей борьбе. Со временем ей придется обрить волосы на голове, а не дожидаться, когда они сами начнут выпадать целыми прядями. Чем раньше она возьмет заботу о своем внешнем виде в собственные руки, тем лучше.

Бедный Пэкстон! Вернувшись с войны домой, он обнаружит, что его невеста превратилась в лысого борца сумо. Ну, он, конечно, скажет, что всегда будет любить ее, хотя плохие новости – это тебе не хорошие новости. И она ему поверит. Если она в нем ошиблась, а это не так, однако все же, если ошиблась, лучше узнать правду раньше, чем позже. Единственный плюс в раке мозга – возможность проверить глубину чувств твоего парня. Если бы ей дали выбирать между глиоматозом и детектором лжи, она, разумеется, выбрала бы последний, но вот только никто ей этого выбора не предоставлял.

Бойкая светловолосая девушка в форме волонтера в красно-белую полоску вошла, улыбаясь и распространяя вокруг себя лимонный аромат. Она забрала пустой поднос. Биби попросила ее сходить в кафетерий и купить побольше энергетических батончиков «Пауэр-Бар» с разными вкусами.

– К следующей неделе я хочу выглядеть как Джон Гудман.

– А кто он такой?

– Большой актер. Он играл мужа Розанны Барр, показывали по ТВ.

– О-о-о... Он снимался во многих фильмах. Он милый.

¹¹ Фунт – мера веса, равная 0,45 кг. (Примеч. ред.)

Пришла медсестра, взять мочу на анализ. Эксфузионист наполнил ее кровью пять пробирок. Женщина «из юридического отдела» принесла подписать бумаги.

Биби предпочитала ограничиваться лишь дежурными фразами, хотя всю жизнь отличалась говорливостью. Всё на свете, начиная от хрупкой красоты лилии и заканчивая загадками квантовой механики, удивляло либо очаровывало ее. Она обычно спешила поделиться своим восторгом с окружающими и делала это очень эмоционально. Заполучив при рождении имя Биби, она, будучи еще ребенком, трещала без умолку, стараясь произвести на окружающих должное впечатление. Она не игрушка. Она не пустышка. Она пытливым наблюдатель в этом мире. Чуть ли не с горшка Биби пыталась вести себя как «философ». Она надолго никогда не смолкала до тех пор, пока ей не поставили диагноз: рак мозга.

Мама приехала в пять часов вечера и привезла все, о чем Биби просила. Спустя несколько минут позвонил отец. Он предложил поужинать в ее палате, но не больничной едой, а высококалорийной, жирной пищей на вынос, любой, какую она только ни пожелает. Чизбургеры? Молочные коктейли? Буррито? Пицца «Четыре сыра»? Все что угодно!

– Нет, папа. Мама устала...

Нэнси принялась протестовать, но Биби подняла руку, призывая ее к тишине.

– Вы оба устали. Два последних дня выдались трудными для нас всех. Давайте ты и мама поужинаете, но вдвоем. И еще закажите бутылку хорошего вина. Договорились? Я никуда не пойду. Я хочу кое-что поискать в интернете, пока буду есть, а потом лягу спать пораньше. Прошлой ночью я плохо спала. Я попросила дать мне успокоительное. Хочу самое позднее к семи часам видеть во сне одного котика.

Чтобы спровадить Нэнси из палаты и отправить ее ужинать, Биби пришлось проводить маму к лифту. Не давая левой ноге ни малейшего шанса волочиться, а спине сутулиться, словно у Квазимодо с сиськами, девушка шла, расправив плечи и высоко подняв голову.

– А как с покалыванием и зудом? – поинтересовалась Нэнси. – Те пятьдесят мобильных на виброзвонке ты до сих пор ощущаешь?

– Теперь получше, а прогорклого вкуса у меня во рту сегодня вообще не было.

– Детка, вижу, ты сейчас почти не используешь левую руку.

– Почесаться я и правой могу.

Они вышли на площадку перед лифтами. Дверцы одной кабинки разъехались, но Нэнси в нее не вошла.

– Все это неправильно. Я не могу просто взять и уйти.

Когда дверцы начали съезжаться, Биби их заблокировала.

– Мама, нам не стоит вести себя так, словно ничего не произошло. Если мы только и будем делать, что стоять и обниматься друг с другом семь дней подряд, двадцать четыре часа в сутки, то рискуем очень скоро съехать с катушек.

Нэнси хотела что-то сказать, но не смогла. Губы ее дрожали. Биби поцеловала мать в щеку.

– Я люблю тебя, а теперь уходи. Хорошо поешь... выпей... Живи, мама, живи. Я уверена в том, что советую...

Вернувшись к себе в палату, Биби уселась на небольшой столик у окна и через лэптоп постаралась больше узнать о противораковых и цитотоксических препаратах. Алкилирующие препараты... Нитрозомочевина... Антиметаболиты... Митотические ингибиторы... По крайней мере, болезнь помогла расширить ее словарный запас.

Когда мартовский день, приближаясь к вечеру, оделся в багрянец, санитарка прикатила поднос с ужином. Статья о побочных эффектах химиотерапии явно не способствовала правильному пищеварению, поэтому Биби, пока ела, смотрела смешное видео с собаками на Ютубе.

Кризис случился, когда она поднялась со стула, намереваясь пойти сполоснуть руки. Внезапная боль едва не расколола ей череп. Девушка чуть не упала на колени. Пошатываясь, она добралась до кровати и нажала кнопку вызова медсестры.

Неожиданная боль могла быть симптомом глиоматоза, последствием давления на мозг, хотя такие головные боли в основном случаются по утрам. Во время вчерашнего обследования не было выявлено избытка спинномозговой жидкости.

– Водянки головного мозга не наблюдается, – говорил врач.

Возможно, что-то поменялось?

Приподняв изголовье кровати, Биби села, обхватив голову руками и воображая себе, как кости деформируются с каждой вспышкой боли. Пришла медсестра, задала несколько вопросов, вышла и вернулась с аспирином и еще каким-то лекарством. Биби не поинтересовалось, что это за препарат, а только проглотила его, обильно запив водой.

– Я буду к вам заходить и проверять, – пообещала медсестра, – а теперь отдыхайте.

Когда женщина ушла, Биби дважды попыталась откинуться назад, но оба раза ее охватывала паника. Девушке казалось, что она падает вниз. Нет, это было больше, чем ощущение. Биби была уверена в том, что, откинувшись назад, упадет в бездонный провал, словно она сейчас сидела на краю бесконечности. А еще движение всего на дюйм-два назад усиливало головную боль. Даже прекрасно понимая то, что наклоненное изголовье кровати помещает ей лежать горизонтально на спине, а ее голова будет приподнята, Биби не решилась на третью попытку. Она сидела прямо. Голова опущена. Глаза закрыты. Руками она обнимала себя за плечи так, словно это могло чем-то ей помочь.

Как ни странно, через пять минут боль начала затухать. Аспирин так быстро не усваивается. Скорее всего, это второе лекарство. Когда девушка открыла глаза, то увидела, что палату заливают красноватое свечение. Сначала Биби показалось, что у нее вновь проблемы со зрением, но потом она поняла, что просто не горит электрический свет, а солнце за окном уже садится. Закат окрасил небо в огненную реку расплавленного стекла, и теперь дневное светило медленно исчезает на западе.

Ее рука потянулась к переключателю света на перильце кровати. Овальной формы на ощупь, он был каким-то не таким... мягким и чешуйчатым, будто она коснулась головы живой рептилии. Белый шнур принялся протестующе извиваться. Биби выронила переключатель и в изумлении уставилась на свою сведенную судорогой руку, которая неожиданно принялась пальцами «клевать» воздух, уподобившись птице, долбящей ствол дерева в поисках прячущихся под корой насекомых. Рука дергалась изо всех сил, «клевала» и «клевала», а Биби ничего с этим не могла поделать.

«Припадок», – промелькнуло у нее в голове.

Словно в подтверждение поставленного диагноза, девушка хрюкнула, а затем издала мяуканье, уподобившись животному. Потом из ее горла донеслись сухие звуки. Онемение, завладев кистью, расползлось вверх по руке и проникло дальше по телу. Биби упала назад, ударившись спиной о матрас. Он остановил ее падение, но в своем воображении она продолжала падать. Край, которого прежде боялась, оказался там, и, она, сорвавшись, все падала и падала вниз в бездонную пропасть. Она пролетела палату, залитую дрожащим красноватым свечением, но комната не уменьшалась, как в сказке об Алисе, упавшей в кроличью нору.

Несколько лоснящихся черных пятен в поле зрения девушки, напоминающих жирные капли нефти, окруженные красноватым свечением. Сначала их было меньше дюжины, потом десятки... сотни... Свет погас, и блестящая тьма затопила Биби. Ей хотелось позвать на помощь, но, как у всех утопающих девушек до нее, у Биби перехватило дыхание.

19. Если бы только это было всего лишь привидением

Двенадцатью годами ранее

Со времени бегства из квартирки над гаражом минуло две недели. Четыре недели оставалось до того, как Олаф, мягко ступая, вошел в ее жизнь. Выдалось очередное воскресенье, когда ее родители будут спать допоздна. Маленькая Биби проснулась и оделась, пока последние бастионы ночи падали под натиском зари. Девочка сунула два злаковых батончика в карманы своей хлопчатобумажной куртки из плотной ткани с рисунком в виде ворсистых параллельных полосок. Когда утро расправило свои розовые, словно у фламинго, крылья на востоке, девочка преодолела два с половиной квартала, отделявшие ее от парка, тянувшегося вдоль Оушен-авеню.

Биби уселась на скамейке в «уголке вдохновения», откуда прекрасно было видно, как волны разбиваются о берег, а морские глубины открывают полосатую, будто у арбуза, окраску, где зеленый цвет соседствует с темно-зеленым. Сидя на этой нависающей над океаном площадке, Биби часто воображала себя пираткой, рассекающей на собственном корабле морской прибой, или китом, настолько огромным, что он ничего не боится в своем затененном водном мире. Сегодня она представляла себе жизнь после смерти, ни небеса, а существование после смерти в этом мире, если на свете вообще бывают призраки.

Съев первый злаковый батончик и решив немедленно приняться за второй, Биби отправилась в обратный путь домой. Если бы она была девочкой действия, девочкой непоколебимой решительности, такой, как девчонки, о которых Биби любила читать в книжках, она не страшилась бы раскрыть загадку, привлекающую ее внимание.

У калитки, ведущей в переулок, Биби свернула в задний дворик между гаражом и бунгалом, взобралась по ступенькам на балкончик и замерла там.

Две недели назад серый, дождливый день как нельзя лучше подходил к спиритическим сеансам, вызову духов, а также случайным встречам с беспокойными призраками. Под ярким солнцем и ясным небом, слыша радостные трели луговых жаворонков, приветствующих рассвет, Биби пребывала в настроении, когда По предпочитает Пуха¹².

Как бы там ни было, девочка стояла у застекленной двери и смотрела через верхние стекла на кухню, прежде чем решиться войти. Труп не лежал на полу и не стоял с остекленевшими глазами и ухмылкой на губах в ожидании, когда же Биби зайдет. Девочка переступила порог.

В лучах утреннего солнца кухня показалась ей местом вполне приятным, возможно, не самым лучшим на свете, но все же... Так она думала, пока не заметила – кое-что изменилось с прошлого раза: на столе, в белой вазе сферической формы, где уже несколько месяцев не стояло ни единого цветочка, теперь были три увядшие розы. Когда-то зеленые чашелистики стали почти бурыми на вид. Лепестки тоже побурели, хотя еще был заметен легкий красноватый оттенок. Некоторые из них, упав на стол, лежали, свернувшиеся и хрупкие, словно панцири мертвых жуков. Вялые, скрученные розы выглядели так, будто они простояли в вазе куда дольше, чем две недели. В них не было ни капельки воды. В таком состоянии цветы вполне могли бы оказаться, если бы оставались в вазе без воды начиная с ноября.

Ей следовало бы уйти, но она не имела права. В отличие от большинства десятилетних девочек, Биби не мечтала стать принцессой или поп-звездой. Она хотела стать отваж-

¹² Каламбур, построенный на сходности произношения слов в английском языке. Имеются в виду американский писатель Эдгар Аллан По, автор множества мистических новелл, и Винни-Пух.

ной, смелой и бесстрашной девочкой с львиным сердцем. Стойкая. Храбрая. Образы Супермена и Супердевочки ее не прельщали. Подвиги давались им и другим героям без труда, без какого-либо риска. Биби понимала, что в жизни так не бывает. Серфингисты скользят по волнам, осознавая, что рядом могут быть акулы, а разрывное течение может унести их прочь от берега. Смерть – это реальность. Ты должна смотреть правде в глаза, если хочешь стать взрослой.

Биби не нужен был костюм Супермена с буквой «С» на груди. Она гордилась бы свитером с вышитой на нем буквой «Х», что значит «храбрая», но только в том случае, если честно его заслужит. Именно поэтому девочка, вместо того чтобы броситься наутек от тайны роз, прошла мимо стола и направилась в гостиную. Дверь оставалась приоткрытой так, как две недели назад, а ведь, прежде чем она убежала, кто-то или что-то начало ее распахивать. Как и в прошлый раз, дверь заслоняла собой то, что скрывалось за порогом, но теперь Биби была уверена, что там никого нет.

Подойдя к двери, она услышала скрип половиц. В прошлый раз доски пола тоже скрипели. Биби замерла, прислушалась, а потом поняла, что шаги отдаляются от нее. Храбрые девочки редко отступают, даже если над ними нависла угроза. Они никогда без крайней необходимости не убегают поджав хвост.

Когда Биби встала в дверном проеме, то дрожала больше, чем ей хотелось бы, однако гостиная оказалась пустой. Девочка видела, как закрывается дверь в противоположном конце комнаты. Со стуком она захлопнулась...

Вся мебель была на месте. После всего случившегося Нэнси и Мэрфи не хотели обзаводиться другим квартирантом. Они говорили, что со временем избавятся от мебели, продав ее или отдав в «Гудвилл».

Вместо того чтобы идти в спальню, Биби решила устроиться в кресле и посмотреть, что из этого выйдет. Иногда подождать развития событий куда разумнее, чем самой становиться движущей силой этих самых событий. Именно таким поведением смысленные девочки в умных книгах отличаются от пустоголовых девчонок в глупых книжках.

После некоторой нерешительности, когда слабость начала расползаться у нее в ногах, а во рту стало так же сухо, как в вазе с цветами, Биби, мучаясь от стыда, пересекла гостиную. Ты или храбрая, или трусиха. Ты либо отважная, либо нет. Люди с львиным сердцем не ищут себе оправдания. Ты или сдаешься, или идешь до конца.

Биби замерла у двери спальни. Стараясь заглушить стук сердца в собственной груди, девочка вслушивалась в то, что происходит за дверью. Она повернула голову налево, затем направо, посмотрела вниз и увидела алую, поблескивающую влагой кровь на дверной ручке. Капля, словно нехотя, упала на доску пола.

Храбрые девочки не только отважны и решительны, они еще осторожны, предусмотрительны и расчетливы. Они знают, когда пришло время действовать разумно и вспомнить обо всех вышеперечисленных добродетелях. Биби не бросилась стремглав от двери, ведущей в спальню, но начала медленно отступать. Развернувшись, она спокойно вышла из гостиной, а затем пересекла кухню. После того как она заперла дверь, ей пришлось, придерживаясь рукой за перила, медленно спускаться во двор.

Сидя на плетеной скамейке, стоящей на крыльце перед задним входом, Биби вспомнила все, что видела. Тысячи нитей сплетались в ткацком станке ее детского разума в ткань с причудливым узором. Она ничего не скажет родителям. Они не найдут ни цветов, ни крови в квартире. Две недели назад папа так и не обнаружил там непрошеного гостя. К тому же Биби чувствовала, что есть нечто, о чем она знает, хотя ей кажется, что не знает. Она думала, если это все же выяснит, тогда все встанет на свои места.

Утро выдалось относительно теплым, но Биби промерзла до костей.

20. Увидим пустоту...

Биби поняла, что очнулась, когда услышала, как медсестра беседует с санитаркой. Девушка не могла ни открыть глаза, ни заговорить. Ей оставалось только слушать.

– Она, бедняжка, совсем без сил, – сказала одна.

Другая взяла ее за руку, пощупала пульс и, кажется, вполне удовлетворилась тем, что почувствовала. Запястье Биби отпустили. Она поняла, что ее дыхание затруднено. Вырывающиеся из груди звуки напоминали тихое похрапывание. Наверное, медики решили, что она заснула. Никто не видел, как с ней недавно случился припадок. Женщины поправили простыню и натянули одеяло ей под подбородок. Биби старалась заговорить, сказать им, что вовсе не сон, а кое-что гораздо хуже, заставляет ее молчать. Звуки складывались в слова в голове, но не на языке. Биби слышала, как медсестра и санитарка вышли из палаты, соблюдая гробовую тишину.

Девушка лежала немая, слепая и утратившая всякое осязательное восприятие окружающего. Биби понятия не имела, лежит ли она на спине, на груди или же на боку. Ни единый мускул в теле теперь ей не подчинялся. Строчка из стихотворения пришла Биби на память. Первые несколько секунд она не могла вспомнить, откуда это... *Увидим пустоту...* Это уж точно. Она и впрямь узрела пустоту. Ей следовало бы ужасаться, но Биби не испытывала страха. Она уже давным-давно стала храброй девочкой – решительной, бесстрашной и стойкой. У нее воистину было львиное сердце.

Увидим пустоту,
Она бесценна...¹³

Со второй строкой она вспомнила, что это из «Литл Гиддинга» Т. С. Элиота. Девушка ощутила определенное облегчение от того, что, хотя ее душа, кажется, отделяется от тела, разум, похоже, остается таким же ясным, как и прежде. В голове зашелестели строки стихов Элиота: *«Здесь и всегда... Все встанет на свои места... Никто и никогда... Где прошлое и будущее...»*

Биби вновь нырнула в ничто, которое могло оказаться куда более глубоким, чем сон, – забвением.

* * *

Позже она очнулась в панике, в полной мере осознавая свое ужаснейшее положение. Паралич. Слепота. Ее язык скукожился, не в состоянии произнести ни слова. Биби катилась с горки быстрее, чем Джил из стишка после того, как споткнулась об идиота Джека¹⁴. Вдруг Большой Вопрос в ее случае обрел форму: сто́ит ли вообще обращаться к химиотерапии или будет лучше избрать более гуманный курс лечения? Пусть ей дадут коробочку леденцов с морфином. Пусть она будет спокойно сосать их подальше от мира в каком-либо хосписе под опекой добрых монахинь. Храбрая девочка или нет, она не станет себя оплакивать...

Биби спала и не осознавала, как горячие слезы текут по ее лицу.

¹³ Перевод В. Постникова.

¹⁴ Аллюзия на известный детский стишок.

* * *

Она опять проснулась посреди ночи. На сей раз Биби смогла открыть глаза. Над головой горел тусклый свет. Теперь она вновь обрела способность ориентироваться в пространстве. Девушка лежала на правом боку, уставившись на соседнюю, пустую, кровать и входную дверь в дальнем конце палаты.

Дверь открылась. Появился мужчина. Сзади его осветил льющийся из коридора свет. Человек направился к ней. Даже когда дверь закрылась за ним, отрезая слепящий свет, мужчина остался лишь силуэтом. Биби заметила поводок, пока незнакомец шел к ее кровати. Ранее кто-то опустил защитное ограждение на ее койке. Собака встала на задние лапы, а передними уперлась в матрас, одарив Биби легендарной улыбкой представителей этой породы. Золотистый ретривер. Возможно, в большей мере, чем другие псы, золотистые могут похвастаться своими уникальными «лицами». На секунду ей показалось, что это Олаф.

Нет, это очередной добрый самаритянин привел свою собаку-терапевта по кличке Бренди, Оскар или еще как-то. В наши дни в каждой больнице есть множество собак, чьи добросердечные хозяева участвуют во всевозможных программах, направленных на то, чтобы взбодрить дух больных и страдающих депрессией. С тех пор, как стало известно, что у Биби злокачественная опухоль, к ней уже приходили эти дружелюбные люди с собаками, но девушка всякий раз отказывалась принимать их помощь и находить что-то забавное в глиоматозе.

Ее левая рука лежала на матрасе ладонью вниз. Биби ее видела, но не могла пошевелить ею.

Собака принялась лизать руку девушки. Сначала Биби не почувствовала собачью ласку. Вскоре, однако, ощущение в ее ладони вернулось. Теплый мокрый язык вылизывал кожу между пальцами Биби, возвращая девушке дикую надежду. К ее глубочайшему удивлению, паралич рассеялся, и она пошевелила рукой, а потом принялась поглаживать шерсть на благородной голове ретривера.

Когда Биби гладила собаку, их взгляды встретились. Девушка знала, что ее взгляд – темен и мрачен, а глаза ретривера сверкали золотистым светом. Этот взгляд тронул что-то в ее душе. Теперь Биби вновь почувствовала себя маленькой девочкой. Эта девочка легко становилась жертвой самовнушения. Вот сейчас она прочла в книге о медведях и решила упасть в зимнюю спячку.

Когда собака, убрав лапы, соскочила с кровати, Биби прошептала:

– Нет, пожалуйста...

Но гости уже уходили. У двери мужчина, остановившись, приоткрыл ее ровно настолько, чтобы проскользнуть в коридор. На прощание он оглянулся, оставаясь все тем же невыразительным силуэтом.

– Постарайся прожить жизнь...

Биби уже слышала эту фразу, но не помнила, когда и в каком контексте.

Оставшись лежать в сумраке, девушка не могла решить, стала ли она свидетельницей чего-то экстраординарного или это всего лишь ее галлюцинации.

Биби согнула левую руку. Собачья слюна еще не успела высохнуть. Теперь способность чувствовать полностью вернулась в тело Биби. Она пошевелила пальцами. Когда решилась повернуться на спину, сделала это без труда.

Биби ощутила смертельную усталость. Девушка не была уверена, бодрствует она или спит. В отсутствие красивой собаки, вне зависимости от того, была ли она реальной либо миражом, на Биби накатил волна отчаяния. Она почувствовала себя одинокой, всеми поки-

нутой. Внутренний голос пристыдил ее за малодушие. Храбрые девочки не выражают собственную безнадежность открыто, но, произнеся его имя, Биби вложила в слова все смятение своего сердца и разума:

– Пэкстон... Пэкс, о Пэкс! Где ты?

А затем ее захлестнуло волной, и она погрузилась в сон или нечто очень на него похожее.

21. На другой стороне земного шара

Старший комсостав из штаба назвал данную операцию «Хождение по огню». У этих ребят имелось бесконечное множество ярких прозвищ для диверсионных операций, некоторые были почерпнуты из художественной литературы, что доказывало: в Аннаполисе они получили всестороннее образование. Вот только не было видно никакого хождения по углям, голубей, вылетающих из шарфиков, распиленных пополам леди и прочих трюков, заставляющих аудиторию фокусника взрываться аплодисментами. Обычная операция в городе, внезапный, как землетрясение, удар по плохим парням.

Пэкстон Торп и три бойца из его команды спустились с холодных холмов ночью. Им понадобилось двое суток, чтобы добраться от места высадки, куда их доставили на вертолете, до окраин поселения. Если бы их высадили поближе к городу, шум, издаваемый вертолетом, оказался бы не менее изобличающим, чем оркестр, который играет музыку в стиле блуграсс на грузовике-платформе, украшенном красно-бело-голубыми флажками. Они не смогли бы пересечь открытую местность и войти на улицы без риска быть отрезанными и окруженными.

Городок окаймляли прежде возделанные, а теперь заброшенные поля. Последний урожай так и не был собран. Месяцы палящей жары, жгучего холода и пронзительного ветра загубили урожай, а оставшуюся высохшую солому изрубили, превратив в труху и пыль настолько мелкую, что она издавала под ногами едва слышный шелест. Кое-где, ступая, Пэкс улавливал в воздухе затхлый запах, напоминающий мужчине о закромах для кормов и сеннике в амбаре на техасском ранчо, где он вырос.

Луна взошла, когда еще было светло, и до полуночи опустилась за горы. Под слабым светом звезд, которым исполнилось десятки тысяч, иногда миллионы лет, четверо мужчин делали ставку на очки ночного видения.

Как считалось, впереди у них лежал город-призрак. Если вы верите в духов, то обойдете это место десятой дорогой. Коль существуют призраки, здесь они должны быть воистину ужасными. Труднодоступный город раскинулся над редким в этой местности водоносным горизонтом. Вокруг простирались пустынные земли. Жители качали из глубины воду и превратили окружающие городок земли в плодородные поля. Несколько поколений людей жили здесь в патриархальном мире сельского существования, неискушенные в том, что происходит в большом мире, и почти счастливые в своем невежестве. А затем на краденых армейских автомобилях приехали варвары, вооруженные реактивными гранатометами и автоматическими карабинами. При штурме городка погибло около шестисот жителей, половина его населения. На следующий день черный с красной диагональной полосой флаг завоевателей развевался на каждой улице. Самых красивых женщин изнасиловали, а потом расчленили. После этого в течение трех дней были казнены все оставшиеся жители – мужчины, женщины и дети. Трупы складывали сотнями в кучи, обливали бензином и поджигали. На шестой день после завоевания убийцы опустили свои флаги и уехали. Им здесь ничего не было нужно. Они хотели только разрушить этот город.

Какими бы дикарями они ни были, эти убийцы засняли резню и сделали из нее пропагандистский фильм, призывающий вступать в их ряды. Видео вошло в унисон с душами подобного рода безумных радикалов и обрело свою аудиторию в интернете.

Спустя семнадцать месяцев после резни главный старшина Пэкстон Торп и три бойца, три его друга, трое лучших парней, с которыми он был знаком в этой жизни, Денни, Гибб и Перри, отправились на охоту за крупным зверем. Еще неделю назад о месте, куда они прибыли, говорили, будто там вообще никакой дичи нет. Кое-кто из американских журналистов назвал их цель Призраком, что, преднамеренно или нет, придало налет таинственности и славы данному субъекту. Пэкс и его люди нарекли свою цель Огненным Засранцем, или сокращенно ОЗ.

Когда-то ОЗ руководил захватом поселения, но это было далеко не единственное преступление, ставшее поводом разыскивать его. Представлялось маловероятным, будто он захочет вернуться на место своего злодеяния, удаленное от удобств цивилизации, к которым лидеры террористов в наши дни питают особую слабость, к тому же далеко от своих многочисленных поклонников. Однако в штабе оперировали данными разведки, а они-то считались вполне надежными, ведь разведчики допускали ошибки в редких случаях.

Его группа сейчас находилась в стране, потерпевшей полную неудачу на государственном уровне. По крайней мере, в данный момент эта держава активно не поддерживает террористов и не ведет войну с соседями, заявляя, что воюет с Соединенными Штатами. Экономика этой страны была разрушена, и правительство не могло обеспечить регулярное патрулирование военными большей части своей территории, поэтому Пэкс и его люди добрались до места без нежелательных встреч, но теперь наступало время разгрести говно.

Городок состоял из более чем двух сотен зданий, большинство из которых одно-и двух-этажные. Здесь не было построек, превышающих трех этажей. Немного каменных строений, большинство же домов были сложены из глинобитных кирпичей, покрытых штукатуркой. Довольно грубые постройки. Создавалось впечатление, что в стране все архитекторы получают образование на уровне средневековых знаний. Треть всех сооружений была разрушена во время атаки на городок и превратилась в груды строительного мусора. Оставшиеся дома также подверглись небольшим разрушениям. Если ОЗ и шесть его наиболее заслуживающих доверия сторонников на самом деле прячутся в этом городке, то они, скорее всего, заняли одно из расположенных в самом центре зданий, для того чтобы иметь возможность заблаговременно заметить вражеские войска, вне зависимости от того, с какой стороны они прибыли, чтобы начать прочесывать местность.

Разведка считала, что трехэтажное строение на северо-западной окраине городка представляло собой идеальный наблюдательный пункт. Наблюдателям пришлось бы смотреть только на восток и юг, стараясь засечь признак обитаемости либо слышать посторонний звук. Крышу окружал парапет, за которым можно было прятаться и вести наблюдение лишь с помощью двух перископических видеокамер.

Пэкстон, Денни, Гибб и Перри тихо вышли со стороны полей к задворкам здания. Они прошли мимо трех скелетов с рогатыми черепами, при жизни являвшихся козами. Черепа смотрели на солдат своими пустыми глазницами. Дикари, убившие людей, пристрелили также домашний скот, оставив животных гнить там, где они упали.

Задняя дверь дома была давным-давно выбита. Члены команды вошли в здание так, словно их там могла ждать засада, но в помещениях никого не оказалось. Стены были испещрены пулевыми отверстиями. На полу рассыпью валялись гильзы, большие куски штукатурки, битые глиняные горшки и осколки черепов с клочками человеческих волос. Засыпанная мусором лестница вела на плоскую крышу. Как и было сказано, ее ограждал парапет

высотой в четыре фута¹⁵. В жидкой черноте ночи они рискнули встать в полный рост, глядя на город-призрак, раскинувшийся к востоку и югу. Они выискивали малейший огонек, хоть земного, хоть сверхъестественного происхождения, но повсюду царила тьма.

После безопасного прибытия на место разведчики, распределившись по двое, спали поочередно. В это время двое остальных дежурили, вслушиваясь в ночь. Звук разлетался далеко в мертвом городе, поэтому они молчали. Они столько времени проводили вместе, что научились понимать друг друга без слов.

Бойцы остались на крыше и после восхода, на сей раз прячась за парапетом. Прохлада ночи отступила пока не до конца. Отправиться на поиски своей добычи они не собирались. У людей Пэкстона еще были в запасе сутки для того, чтобы дать врагу самому обнаружить свое местонахождение. У них есть перископические видеокамеры, слух и терпение.

К четырем часам дня ничего не изменилось. Пэкстон как раз поедал свой сухой паек, который включал вяленую говядину, кашу-размазню из курятины и лапши, а также батончик «Пауэр-Бар». Он ел, сидя на крыше, опираясь спиной о камень парапета. Старшина был в индивидуальном бронезащитном костюме. Он снял, впрочем, облегченную модульную систему переноски снаряжения. Каждая вещь на ней крепилась с помощью индивидуального кольца и могла быть отстегнута и отложена в сторону. Пистолет лежал на крыше в футе от него. «Зиг-Зауэр P220» 45-го калибра.

Вдруг образ Биби с такой ясностью возник перед его внутренним взором, что, вздрогнув, Пэкстон вместе с наполовину съеденным батончиком «Пауэр-Бар» едва не прикусил себе язык. Он каждый день вспоминал о своей единственной, но никогда прежде ее красивое лицо не всплывало с такой ясностью в его памяти, не давило с такой силой на его воображение. Пэкстон помнил тот день. Он и Биби катались на доске с веслом в Ньюпортской гавани. Стоял солнечный летний день. Биби сказала что-то смешное, и он подался всем телом назад. Девушка едва не упала с доски.

Воспоминание о ее смеющемся красивом лице так сильно подняло Пэксу настроение, что мужчина постарался удержать этот образ в своей памяти как можно дольше, сохранив всю его яркость и остроту, но он тотчас же начал таять, бледнеть, и все старания Пэкстона в конечном счете ни к чему не привели.

Главный старшина взглянул на часы «Джи-Шок». Четырнадцать минут пятого. На другой стороне мира, там, где сейчас Биби, также должно быть четырнадцать минут пятого, но не дня, а ночи. Она теперь у себя дома, крепко спит. Его охватило безотчетное беспокойство, не то обычное волнение, которое иногда овладевало Пэкстоном, когда он думал о Биби. Оно было куда глубже и сильнее. Мужчине вдруг подумалось, что он отправился на эту операцию в наиболее неподходящее время.

22. Что, черт побери, случилось...

В этот раз молчаливые существа в мантиях с надвинутыми на головы капюшонами несли мертвеца по больничному коридору, над которым кто-то словно лезвием бритвы срезал потолок и крышу, и теперь луна затопляла все вокруг своим светом. Они вошли в палату Биби. Лицо одного из этих существ произвело на нее такое же шокирующее, ужасающее впечатление, что и всегда. Девушка взбунтовалась против того, чтобы видеть его. Проснувшись, она порывисто приподнялась на постели, но оказалась в другом сне. Подручные Смерти, или кто они там такие, пропали. На одном из стульев у окна сидел завернутый в саван труп. Красноватый свет горящего заката играл на белой ткани. Материя, закрывающая трупу лицо, натянулась. Образовалась впадина, похожая на рот. Оттуда донесся

¹⁵ Фут – мера длины, равная 30,48 см. (Примеч. ред.)

хорошо знакомый ей голос: «Формы... формы... неизвестные сущности». Испугавшись, что услышит больше, Биби порывисто приподнялась на кровати, но на этот раз...

...она очнулась ото сна в реальном мире.

Утро принесло с собой большие перемены.

Зуд в левой половине тела унялся. Ни одно нервное окончание не посылало в кору головного мозга сигнал тревоги, сообщая об онемении, покалывании, дрожании. Сев на кровати, Биби поиграла мышцами руки, которая еще недавно временами казалась рукой другой Биби, а не ее собственной. Эта другая Биби хотела использовать ее для своих личных целей. Теперь она полностью ею владела. Никакой слабости не ощущалось. Биби сжала пальцы в кулак. Хотя ее кулак был небольшим, его вид успокоил девушку.

Никакой головной боли. Никакой слабости. Никакого мерзкого привкуса.

– Дудочник Питер собрал кучу соленых перцев, – с веселой живостью промолвила Биби. – Она продает морские ракушки на берегу моря¹⁶.

Каждое слово произносилось идеально правильно, без какого-либо сюсюканья либо запинок.

Девушка опустила одно из предохранительных перил и уселась на краю кровати. Секунду Биби колебалась, понимая, что отсутствие симптомов еще не означает, что она выздоровела. Если она сейчас осмелится издать победный клич, чтобы отметить свой триумф, ее голос может вдруг сорваться, а она вновь сломается. Но нет же! Глупое суеверие. Нет трех богинь судьбы, в которых верили древние греки. Нет сестер, которые прядут, отмеряют и отрезают нить человеческой жизни. Никто не обидится из-за того, что она испытывает бурную радость по поводу своего избавления от рака. Биби встала с постели, надела тапки и прошлась по палате в глупом танце. Ее левая нога ни в чем не уступала правой. Она двигалась без малейшей ошибки, без малейшего намека на онемение.

В дверь вошла медсестра Петронелла. Волосы ее были аккуратно заплетены в косу, спадавшую ей на спину. Вчера медсестра заступила на дежурство. Женщиной она была бывалой и очень расторопной. Казалось, она успела повидать все, что возможно, когда работаешь в больнице. Ничто не могло заставить ее врасплох или вывести из себя. Шоколадного цвета лицо смягчило выражение удивления.

– Девочка, что в тебя утром вселилось? – замерев на пороге, спросила Петронелла.

– Я могу танцевать, – сказав это, Биби исполнила несколько легких танцевальных движений, которые полагается танцевать в мягкой обуви.

– Вероятно, можешь, но мне бы хотелось увидеть доказательства, – промолвила медсестра.

Рассмеявшись, Биби трижды хлопнула в ладоши.

– Левая нога больше не онемевшая. Никакого покалывания от головы до пальцев ног. Вообще ничего. Дудочник Питер собрал кучу соленых перцев. Идеальное произношение, Петронелла. Я теперь не больна.

Улыбка медсестры застыла и постепенно растаяла.

– Симптомы могут появляться, а потом исчезать, – с жалостью в глазах и сочувствием в голосе сказала она. – Девочка, лучше смирись с реальностью.

Биби замотала головой.

– Это правда. Это как раз и есть реальность. Я не знаю, что, черт побери, произошло, но что-то точно изменилось. Я чувствую себя абсолютно здоровой. Мне нужно поговорить с доктором Чандрой. Пусть он со мной встретится и еще раз на меня посмотрит.

¹⁶ Дословный перевод английских скороговорок «Peter Piper picked a peck of pickled peppers» и «She sells sea shells at the sea shore».

23. Она просто не может это вот так оставить

Двенадцатью годами ранее

Последующие две недели предоставили ей возможность не подвергать себя искушению. То воскресное утро выдалось тихим, пасмурным и прохладным. Над землей стелился легкий туман. Ключ в замочной скважине. Тихий скрип петель. Цветов в вазе посреди стола на этот раз не оказалось. Распахнутая в гостиную дверь. Порожек. Гостиная. Дверь, ведущая в спальню, затворена. Если кровь в прошлый раз была настоящей, кто-то ее вытер.

Иногда Биби сама себя не понимала. Она не была дурочкой, но при этом вернулась сюда. Девочка знала, что не трусиха, что испытывать собственную храбрость нет особого смысла, однако продолжала приходить. Она не верила в то, что мертвые возвращаются, но ее все равно мучило любопытство. Хуже всего было то, что, понимая, насколько появление мертвецов в реальном мире нежелательно, Биби при этом в глубине души все же хотела столкнуться с гостем из загробного мира в надежде, что это будет самым настоящим волшебством.

Девочка опасалась, нет ли у нее темных импульсов. О темных импульсах Биби узнала из прочитанных книг. Будучи пятиклассницей, она читала то, что обычно читают десятиклассницы, поэтому полагала, что в достаточной мере осведомлена об импульсивных желаниях, навязчивых идеях, одержимости, маниях и нездоровых влечениях. Подобного рода темные импульсы могут исходить из разума и от сердца. Биби была уверена – она не страдает от безумия. Девочка надеялась, что все эти темные импульсы зародились в ее сердце, следовательно, не особо опасны.

Храбрые девочки совершают храбрые поступки. В противном случае они теряют шанс выделиться из общего стада. Потерпев неудачу, они превращаются в кротких девушек, бледных и никому не интересных, заслуживающих жалости работяг, обреченных тянуть лямку своего существования в серых комнатах повседневности. В семь лет Биби подарили ее первую детскую доску для серфинга. Настоящим серфингом она занималась уже почти год. Она не имела ни малейшего намерения становиться блеклым ничтожеством ни сейчас, ни через пятнадцать лет.

Ты должна сорваться вниз с гребня волны, «застрелить» волну, «порвать» ее в тот момент, когда волна Рихтера может заткнуть тебя за пояс¹⁷. Ничего не бойся. Отсутствие страха отличает настоящую серферную крысу от салаги, ботаника, зануды и придурка. Храбрые люди, вырастая, не становятся салагами, ботаниками, занудами и придурками.

Повернув ручку, она отворила дверь в спальню.

Никаких изменений с тех пор, как здесь жили. Правда, с кровати сняли покрывало, одеяло и простыню, оставив голый матрас, да подушки спрятали в бельевого шкафа, а так все по-прежнему.

Подобно призрачному морю, подобно высокому приливу, такому высокому, каким он был миллион лет назад, густой туман застилал два окна, пропуская внутрь лишь тусклый свет. Окнами спальня выходила на противоположную от бунгало сторону, поэтому отблеск от включенного Биби электричества родители увидеть не смогут. Впрочем, одного тумана хватило бы, чтобы скрыть этот свет.

¹⁷ Американский сейсмолог Чарльз Рихтер предложил в 1935 году шкалу значений магнитуды землетрясения.

Дверь в ванную комнату была распахнута настежь, а вот в большой стенной шкаф – прикрыта. Ее саму удивило это, и Биби постучала в дверь шкафа.

Ответа не последовало.

«Бросайся вниз в гребень волны. Разорви ее. Не трусь», – пронеслось в ее голове.

Биби распахнула дверцу и включила свет внутри. Храбрые девочки не верят в бугименов. Никто ее здесь не поджидает, притаившись в засаде.

Тяговый тросик свешивался с расположенного на потолке люка опускной двери. Девочка знала, что, если она потянет за этот трос, дверца откроется, откинется на крепких петлях и пружинах, а затем выедет и разложится складная лестница.

Впервые со времени своего прихода в квартиру она услышала посторонние звуки. Они доносились с чердака.

Биби смотрела на тросик, но к своей досаде еще сомневалась, не решаясь протянуть руку, когда кто-то, должно быть, с силой толкнул опускную дверь сверху. Люк раскрылся, а пружины завизжали, словно рассерженные кошки. Лестница съехала вниз до самого пола стенного шкафа. Девочка заглянула в полумрак люка над головой.

– Капитан? – вымолвила она. – Это ты, Капитан?

24. Как бы хорошо это было, если б оказалось правдой

Теперь магнитно-резонансный томограф показался ей не мрачным туннелем проклятых, а дорогой к воскресению. Биби не понадобились наушники-капельки, как в прошлый раз. Она не хотела слушать музыку. Ее порывистые мысли представились ей куда более занятыми, чем любая музыка, таким эквивалентом быстрого джаза, полного искрометности и энергии. Эти мысли заполняли все естество девушки радостью, удовольствием и ожиданием чуда. Места страху не осталось. Невозможное стало возможным. В этом она была твердо уверена. Биби не нужно было ожидать окончания обследования, чтобы чувствовать, как исцеление проникло во все кости, во все клетки ее тела. Врачи говорили, что ремиссия в случае глиомы головного мозга невозможна... Была невозможна до сегодняшнего дня. Пусть вновь ее обследуют... Магнитно-резонансная томография... магнитно-резонансная ангиография... магнитно-резонансная спектроскопия... Они ничего не обнаружат. Там даже нескольких раковых клеток не осталось. Ее беспокойные радостные мысли вращались вокруг необъяснимой загадки, лежащей в сердце новообретенного шанса на новую жизнь, вокруг первопричины отмены нависшего над ней приговора, вокруг тайны, не дававшей покоя ее писательскому естеству, жаждавшему до всего докопаться.

После магнитно-резонансной томографии врачи захотели провести кое-какие обследования повторно. По выражению их лиц Биби понимала, что полученные результаты их, что называется, огорошили. Такого они не видали. Никто из них не набрался смелости сказать ей, что невозможное стало реальностью, им хотелось еще раз все проверить, но Биби знала. Она просто *знала*...

* * *

Мира Эрнандес была слишком молода, чтобы возглавлять сестринскую службу в такой большой больнице. Внешне ей можно было дать не более сорока лет. Симпатичная женщина с блестящими, соболиной черноты волосами. Широко посаженные глаза отличались чернотой меха хэллоуинского кота. Полные губы. Женщина покусывала нижнюю губу, пока слушала, как Биби отвечает на ее вопросы.

Медсестра Эрнандес сидела на стуле у окна, том самом, который вчера занимал доктор Санджай Чандра, пока обсуждал с Биби ее страшный диагноз. Девушка сидела лицом

к медсестре на своем счастливом, как она теперь считала, стуле. Каждая вещь в палате с этого момента стала для нее счастливой: счастливый столик между ними, счастливая кровать, счастливый телевизор, который она ни разу не включала, ее счастливый шелковый халат, ее счастливые тапки...

– Помогите мне разобраться, – сказала медсестра Эрнандес. – Так вы полагаете, что золотистый ретривер вас вылечил?

– Нет. Возможно... Черт, я не знаю. Собака должна иметь какое-то отношение к произошедшему. Просто *обязана*. Послушайте! Я не говорю, что это волшебная собака. Как вообще собаку можно назвать волшебной? Звучит нелепо. Но и пес, и мужчина, который его привел, должны что-то знать. Разве вам самой так не кажется? Я в этом уверена... Ну... мужчина должен знать, а собака не обязательно... Кто может сказать, что знает или не знает пес? Даже если ему что-то известно, он ничего нам не скажет. Собаки не умеют говорить, поэтому надо побеседовать с мужчиной.

Медсестра Эрнандес молча разглядывала Биби, а затем промолвила:

– Вы, кажется, излишне взволнованы.

– Нет, не взволнована. Я нахожусь в приятном волнении. А вы бы не радовались тому, что, заснув вечером с раком в мозгу, наутро проснулись бы совершенно здоровой?

Медсестре не хотелось поощрять ложных надежд.

– Не будем спешить, Биби. Давайте предоставим слово врачам.

– Послушайте, у меня вечером случился страшный припадок. Тогда никого рядом со мной не оказалось. Я подумала, что умираю. Позже, когда сюда зашла медсестра, я очнулась. Она решила, что я сплю, но на самом деле я была парализована, не могла говорить, и это было хуже всего. Я знала, что почти умерла, что я живой труп. В следующий раз, когда очнулась, пришла собака, а после нее я могла говорить и паралич куда-то девался. Утром, проснувшись вот такой, – она сжала в кулак свою левую, прежде немощную руку и потрясла ею в воздухе, – я знала, что случилось что-то очень хорошее, а еще более замечательному предстоит произойти.

Какой бы милой и терпеливой ни была медсестра Эрнандес, она выглядела как человек, который вот-вот собирается произнести: *«Но в этом-то как раз и дело: подобное просто невозможно»*, однако в действительности женщина, набрав что-то на лэптопе, сказала:

– Проблема в том, что мы не допускаем собак-терапевтов в больницу после того, как истекают часы посещения. Ночью здесь вообще не было никаких собак.

– Одна была, – добродушно настаивала Биби, – золотистая красавица.

– Вы уверены, что вам не приснилось или у вас не было галлюцинаций?

– Собака облизала мне руку. Я ощущала на ней ее слюни.

– Ладно... хорошо... Значит, мужчина с собакой. Как он выглядел?

– Сначала свет падал на него со спины, а затем он очутился в тени, так что не знаю.

– А как звали собаку? Вы запомнили ее кличку?

– Нет. Хозяин ее не называл.

– Первым делом они обычно знакомят больного с собакой.

– Возможно, обычно знакомят, но не в моем случае.

Медсестра напечатала еще что-то на лэптопе, затем посмотрела на девушку и улыбнулась, вот только в ее глазах отразилось недоверие, когда она сказала:

– Извините, я не хочу, чтобы мои вопросы выглядели как допрос в полиции, но я, Биби, на самом деле желаю понять...

– Как так получилось, если я действительно излечилась? Ладно. Вы можете озвучивать ваши вопросы. Вы не зарождаете у меня несбыточных надежд. Я излечилась. Вам кажется, будто сейчас я излишне эмоциональна? Подождем, когда доктор Чандра подтвердит, что я больше не больна раком. Тогда я буду скакать по стенам, не я, а ребенок во мне. Большинство

людей стараются избавиться от ребенка в себе, но я берегу в сердце маленькую девочку и время от времени выпускаю ее наружу порезвиться. Таков удел писательницы. Прошное для нас – материал. Ты не хочешь забывать, как было прежде, что именно ты чувствовала...

Медсестра Эрнандес слушала Биби с явным интересом. Видно было, что она не считает, будто пациентка несет всякую чушь.

Когда она смогла вставить слово, то промолвила:

– Что сказал вам мужчина с золотистым ретривером?

– Пока он был в моей палате, он не обмолвился ни словом, а потом, когда уходил, обернувшись, сказал: «Постарайся прожить жизнь».

Медсестра нахмурилась.

– Что он имел в виду? Это похоже... Не знаю... Звучит как-то странно, слишком чопорно... Вам так не кажется?

Биби пожала плечами.

– Возможно, он просто хотел сказать, что я должна жить своей жизнью.

Девушка слышала эти слова прежде, но не помнила, где и когда. А еще Биби удивило, что она так и не решилась сказать Мире Эрнандес – прежде ей уже доводилось слышать эти слова.

Вдруг в голову девушки пришла мысль, достойная девочки-детектива:

– А как насчет камер слежения? Обычно видеозаписи хранят в течение тридцати дней. Если вы просмотрите записи за прошлую ночь и там не будет мужчины с собакой, значит, все это мне просто привиделось...

25. «Капитан? Это ты, Капитан?»

Двенадцатью годами ранее

Лестница съехала вниз до самого пола стенного шкафа, и Биби знала, что это приглашение, но она немного колебалась, принимать его или нет. Несмотря на правильную геометрию лестницы, кое-что в том, как она опускалась, словно зигзагами, наводило на мысль о ее схожести со змеей.

Пока девочка смотрела вверх на люк, открывающий путь на чердак, темнота его частично рассеялась – ряд голых лампочек осветил верхнее королевство от одного конька крыши к другому.

Второе приглашение не прибавило ей желания подняться вверх в поисках Капитана.

Биби называла его Капитаном потому, что когда-то он был капитаном в корпусе морской пехоты США. Он пережил множество ярких приключений в годы войны и в годы мира. Биби нравилось слушать его рассказы, поэтому девочка часто просила старика пересказывать ей одни и те же истории. После ухода в отставку Капитан сменил несколько работ. Он лет пять прожил в квартирке над гаражом, прежде чем Биби нашла его мертвым на кухне. Он лежал в луже крови. Ее было так много, что могло показаться, будто Капитан в ней плавает.

Он был человеком мужества, принципиальности и чести. В его обществе ей ничего не грозило. Капитан ни за что не причинил бы ей вреда. Он скорее умер бы, спасая ее.

Если Капитан – на чердаке, если он вернулся из места, куда после смерти попадают герои, у нее нет никакой причины бояться его. Храбрые девочки не станут поощрять свою слабость, а тем более не капитулируют, забыв здравый смысл и вследствие предрассудков отступив перед иррациональными страхами.

– Капитан! – вновь произнесла она. – Это ты, Капитан?

В ответ раздался мелодичный перезвон колокольчиков. А может, звенел один, однако звук был таким громким, словно звенело три. Капитан привез его из Вьетнама много лет назад. Сувенир-воспоминание о днях тяжелой и безрезультатной войны.

Красиво изготовленный из серебра, колокольчик был размером с винный бокал. С помощью мудреного механизма три его язычка двигались одновременно и не зацеплялись друг за друга. Первый язычок ударялся о «талию» колокольчика, которому придали типичную для всех колоколов форму, второй издавал звук, встречаясь с серебряным «бедром», а третий – с «губой». Три звука были разной тональности, но, накладываясь друг на друга, производили очень приятную мелодию.

Перед войной, прежде чем серый саван коммунизма упал на страну, Вьетнам был землей искусных мастеров, уникальных мифов и экзотических традиций. Посредством приятной музыки колокольчик намекал слушателям о волшебной природе страны. Биби вспомнила элегантную форму и сверкание серебра. Каждый звук звенел в унисон с остальными. Каждый последующий был на октаву ниже. Глубокая привязанность к старику, который когда-то владел этим колокольчиком, заставила Биби двинуться вверх по лестнице.

У покойного Капитана не осталось ни братьев, ни сестер, ни детей, живущих где-то далеко. Не было никакой надобности отправлять им эту маленькую коллекцию прелестных сувениров. Нэнси сказала, что, если дочь хочет, может оставить безделушки себе. Биби очень хотелось, однако вид этих скромных сокровищ только обострял ее горе. В ноябре, менее трех месяцев назад, мама девочки помогала ей собирать эти вещицы. Время уже немного притупило остроту переживаний, вызванных смертью Капитана.

Хотя сейчас Биби переносила его уход из жизни так же остро, как и в тот день, когда обнаружила труп, девочка взобралась на чердак с осторожной радостью, равной ее любопытству, а его-то ничем нельзя было заглушить. Пол устилала древесностружечные плиты. Стропила крыши поднимались достаточно высоко над головой, позволяя взрослому человеку стоять, выпрямившись во весь рост, везде, за исключением мест у самого свеса крыши. Как только Биби поднялась, перезвон колокольчика стих.

Краем глаза она заметила, как что-то промелькнуло. Девочка повернула голову. На мгновение Биби встревожилась, решив, будто видит поднимающийся дым, свидетельство тлеющего где-то пожара. Однако она тотчас же поняла: это всего лишь туман, что проникает внутрь сквозь сетку, покрывающую чердачные окна. Казалось, туманному океану снаружи так же любопытно было взглянуть на то, что скрывается в доме.

На чердаке были свалены вещи, в основном принадлежавшие Нэнси и Мэрфи, но попало здесь и то, чем когда-то владел Капитан. Биби забыла, где среди рядов картонных коробок стоит та, в которой спрятаны колокольчик и другие вещи покойного.

Когда смолк звон, в молчаливой дымке проникающего внутрь тумана тишина показалась настолько абсолютной, что Биби почудилось, будто она забралась в подвал, а не на чердак. Девочка, возможно, решила бы, что звон колокольчика ей померещился, если бы лестница и зажегшийся свет не доказывали обратное.

Древесностружечные плиты крепились к полу не гвоздями, а были прикручены шурупами. Когда Биби ступила на них, то не услышала скрипа. Она пошла по проходу посередине чердака, оглядываясь по сторонам на ряды стеллажей и сложенных стопками вещей. Капитан по собственной инициативе заменил здесь старые, трухлявые доски пола. Делал он это просто так, словно хотел заслужить репутацию надежного квартиранта, хотя ему не нужно было ничего доказывать. Таким уж был Капитан. Ему всегда хотелось быть полезным другим.

Когда Биби добралась до предпоследнего, перпендикулярного к проходу ряда стеллажей в восточном крыле чердака, девочка увидела того, кого искала на протяжении многих

недель со смешанным чувством страха и надежды. Он... или кто-то еще стоял у ската крыши на расстоянии десяти футов от Биби. Фигуру его скрывали тени.

Вновь ее охватило дурное предчувствие, которое, по мнению Биби, не украшало настоящую храбрую девочку. Черные лепестки страха снова раскрылись, проверяя ее на прочность. Храбрая девочка, значит? Или она еще один неуверенный и робкий ребенок, который лишь притворяется взрослым и храбрым, натягивая перед другими личину смельчака так часто, что и сам уже уверовал в это?

– Капитан! – тихо позвала Биби.

Призрак двинулся к ней и попал в луч света.

Она вдруг осознала, что безумие и здравый смысл – два мира, разделенных всего одним шагом.

26. Люди с плохими намерениями

Медсестра Эрнандес привела в палату Биби начальника охраны больницы, который представился Чабом Коем. Настоящее ли это имя или просто прозвище, однако оно ему очень подходило¹⁸. У мужчины было приятное круглое лицо, лишенное, впрочем, одутловатости. Двигался он легко и грациозно, словно танцор. Есть тучные люди, которые способны на такое. Его фамилия в меньшей мере подходила ему, так как мужчина не казался ни молчаливым, ни застенчивым¹⁹.

Мира Эрнандес подняла незанятую первую кровать на максимальную высоту. Мистер Кой положил на матрас раскрытый лэптоп. Биби встала рядом. Начальник охраны открыл файл, где хранились видеозаписи с камер наблюдения, сделанные прошлой ночью.

– В палатах пациентов камер не ставят, – пояснил он, – как и в других местах, где следует соблюдать приватность. Глупые судебные иски всегда повышали стоимость медицины. Все эти издержки разорят больницу, если каждая бабушка получит миллион баксов по решению суда за то, что она почувствовала себя униженной, ибо камера наблюдения засняла, как под нее кладут утку.

– Сохранение права на личную жизнь важно не только из-за того, что против нас могут подать иск в суд. На то имеются более веские причины, – с легкой укоризной в голосе произнесла медсестра Эрнандес.

Мистер Кой ничем не выдал того, что понял, как его сейчас вежливо отчитали за излишнюю откровенность.

– Все лестничные пролеты – под наблюдением. Неслужебные лифты также, но только не те, на которых медперсонал перевозит пациентов. Кроме того, мы наблюдаем за всеми коридорами. Если пациент выйдет из своей палаты в незавязанном сзади халате, а потом захочет десять миллионов баксов за то, что охрана видела его жалкий голый зад, нам остается надеяться, что среди членов жюри присяжных будет по крайней мере пара здравомыслящих людей. Впрочем, я бы не стал биться об заклад, что так оно и произойдет.

Медсестра Эрнандес, игнорируя начальника охраны, взглянула на Биби и улыбнулась девушке. Та в свою очередь ответила ей ободряющей улыбкой.

– А это запись с главного восточно-западного коридора на четвертом этаже. Камера расположена возле вашей палаты. Время видно внизу.

Цифры часов на экране показывали 04: 01. Секунды сменялись секундами, и вместо 04: 01 на экране появилось 04: 02. Золотистый ретривер возник рядом с мужчиной в толстовке с

¹⁸ «Chubb» с английского можно перевести как «круглолицый».

¹⁹ «Coy» переводится как «застенчивый», «скромный», «робкий».

капюшоном. Мужчина шел, повесив голову, словно хотел скрыть лицо от камеры. Толкнув, он отворил дверь слева и вместе с собакой зашел в помещение.

– Мистер Капюшон заходит в вашу палату, – прокомментировал Чаб Кой, прокручивая вперед видеозапись. – Потом он выходит оттуда спустя три минуты... в четыре ноль-пять. Вот он! Мужчина и собака ушли тем же путем, каким явились. Съехали на лифте.

– Все так, как я вам говорила, – сказала Биби Мире Эрнандес.

Медсестра покачала головой.

– Подождите.

Отвернувшись от экрана ноутбука, мистер Кой посмотрел на Биби.

– В том-то и загвоздка. В такое время мы запираем входы в главный вестибюль и приемное отделение. Нет видеозаписей того, как этот парень с собакой входит в здание и выходит.

– А может, они проникли через другую дверь, которая должна была быть запертой, а на самом деле осталась открытой? – предположила Биби.

– Исключено. Мы работаем здесь как часы. И еще... Камера в лифте принялась мигать с трех часов пятидесяти пяти минут. Спустя десять минут он появляется на сцене. У нас нет видеозаписи, как он поднимался и опускался в лифте. Камера на первом этаже перед лифтом работала, но по записям на ней не видно, чтобы мистер Капюшон заходил, а позже выходил из кабины лифта.

Биби взглянула на экран ноутбука: видеозапись больницы в предыдущую ночь демонстрировала коридор после ухода таинственного посетителя.

– Я не понимаю.

– Я тоже, – сказал Чаб Кой. – Глупо предполагать, что он остановил кабинку лифта где-то посередине, а затем выбрался через люк в потолке. Ни за что, Хосе²⁰. Вы его не узнаете?

Биби глянула прямо в серые с голубоватыми прожилками глаза начальника охраны. Их стальной блеск контрастировал с дружелюбной округлостью его лица.

– Как я могу узнать его по этому видео? Он же скрывает свое обличье.

– А по его фигуре, походке, по собаке не узнаете?

– Нет, не узнаю.

– С какой целью он бы здесь ни появился – это не к добру, – сказал Чаб Кой.

– Ну... Не знаю... Но я же излечилась.

– А врачи это подтвердили?

– Доктор Чандра встречается со мной после обеда.

– Надеюсь на то, что в вашем случае произойдет чудо, – сказал Кой, хотя в его тоне звучало сомнение. – Но дело в том, что прежде я был настоящим копом. Я повидал в своей жизни много плохих парней. Люди, которые ведут себя как мистер Капюшон, преследуют нехорошие цели. Я готов побиться об заклад...

27. Что она сделала, чтобы не сойти с ума?

Двенадцатью годами ранее

Биби не помнила, как покидала чердак. Следующим ее воспоминанием была лестница и пол в большом стенном шкафу. Спрыгнув, она обернулась и посмотрела вверх. Лампочки на чердаке погасли.

²⁰ Со времен битников существует сленговое выражение «Ни за что, Хосе», однако здесь автор, скорее всего, обыгрывает название одноименного кинофильма 2015 года.

Паники не было. Ее охватило другое чувство, возможно, шок, который притупил все ощущения девочки. Голова казалась пустой, и каждое малейшее впечатление или чувство приходилось с усилием тащить в ее мозг с помощью рычажного ключа, будто преодолевая сопротивление, чтобы восстановить естественный ход мыслей.

Затаив дыхание Биби замерла у подножия лестницы. Она ждала, не появится ли сверху кто-то, освещенный горячей в стенном шкафу лампочкой. Но никто не появился. Девочка с силой толкнула нижнюю часть складывающейся лестницы, и та, придя в движение, скрылась под потолком, а вслед за ней захлопнулся люк. Трос качался из стороны в сторону подобно маятнику.

Биби не помнила, как шла по спальне и гостиной. На кухне она остановилась. Она вперила взгляд в белую вазу на обеденном столе. Когда девочка вошла сюда утром, в вазе ничего не было, а теперь там стояли три свежие алые розы.

Пока она спускалась по ступенькам лестницы с балкона, ей показалось, что густой туман струится позади нее, вздымаясь подобно шлейфу великолепного белого бального платья. Во внутреннем дворике девочка с трудом могла разглядеть кирпичи под ногами. Бунгало уподобилось кораблю-призраку в призрачном океане. Видны были только размытые контуры дома.

Когда же Биби вошла в него, оказалось, что ее родители еще спят. Биби отправилась к себе в комнату, разулась, а затем, не раздеваясь, залезла под одеяло.

Что-то еще произошло на чердаке, вспоминать о чем ей просто не хватало силы воли. Биби отталкивала от себя воспоминание о происшедшем. Помнить подобное и страшно, и печально. Никакая десятилетняя девочка, даже взрослая девушка, и час не в силах хранить в памяти такое, не говоря уже о целой жизни. Лучше всего сбросить с себя тяжкий груз и забыть.

Она спала, но сон не принес ей отдохновения. Это был сон отрицания и забывания.

Разбудила ее мама.

– Эй, соня! Просыпайся! Мы сейчас хорошенько наедемся, а потом будем смотреть кино.

Подтянув одеяло к подбородку, Биби промолвила:

– Не хочу. Я всю ночь читала. – Она солгала, впрочем, ложь не была особо злобной. – Поезжайте без меня. В холодильнике осталась курица. Я сделаю себе большой сэндвич.

Взяв книгу, лежавшую на прикроватном столике дочери (хотя бы одна книга всегда оставалась у Биби под рукой), Нэнси прочла название:

– *«Тайная война в саду»*. Звучит интригующе.

– Угу, – согласно промычала девочка.

Воображая себя свободными духом, босоногими детьми Природы, родители поощряли в дочери независимость и право выбора. Ее никогда не ругали за то, что она допоздна засиживалась, читая, либо смотрела какую-то чушь по телевизору.

– Говорят, фильм смешной, – сказала Нэнси. – Новый фильм с Адамом Сэндлером²¹.

Настаивая на своей усталости, девочка, полуприкрыв глаза, придала лицу капризное выражение.

– Он не смешной, – сказала Биби.

– Считаешь себя слишком взрослой для Адама Сэндлера?

– Да, я его переросла лет десять назад.

– И это говорит моя дочь, ученица пятого класса! Ладно. Только сама к морю кататься на волне не ходи.

– Я никогда не хожу, к тому же сейчас все равно холодно.

²¹ Адам Сэндлер – современный американский комедийный актер.

В кровати она провела четверть часа после отъезда родителей лишь для того, чтобы быть уверенной, что они не вернуться.

Позже, когда Биби сидела за кухонным столом и поела свой завтрак, состоящий из шоколадного молока и вафель «Эгго», покрытых сверху арахисовой пастой, девочка начала дрожать. Она дрожала и дрожала, не в силах остановиться. Казалось, каждая кость в ее скелете собирается вывалиться из соседних суставов. Биби не спрашивала себя, почему она дрожит. Она не хотела знать. Во всем виновато привидение, реальное ли оно или воображаемое – значения не имело. Призраки не могут причинить тебе вред. Если она все же видела на чердаке настоящее привидение, шансов, что еще раз увидит его, очень мало. Призраки не шастают туда-сюда каждый день, словно воробьи или жаворонки. Если что-нибудь еще случилось там, какое-нибудь открытие или даже прозрение, то это не важно. Все ее знания испарились из головы во время сна. Когда мама разбудила ее, Биби уже ничего не помнила. Она сама себе доказывала, что просто замерзла. Вот и все! Этим можно объяснить ее сильнейший озноб.

Оставив завтрак на тарелке недоеденным, девочка направилась в гостиную, где был оборудован газовый камин с электронной системой зажигания. Она его включила с помощью пульта дистанционного управления. Руки засунула в карманы джинсов. Биби стояла у камина, наслаждаясь теплом, и смотрела на желто-голубое пламя, пляшущее вокруг керамических дров. Иногда она любила искать силуэты животных и лица людей в облаках на летнем небе. Языки пламени были слишком быстрыми, чтобы глаз мог заподозрить в них образы чего-то еще. Это очень хорошо.

Когда дрожь прошла, Биби решила пойти погулять по Оушен-авеню в направлении парка, а затем посидеть в «уголке вдохновения», пусть туман до сих пор и застилает вид на Тихий океан. Море всегда ее успокаивало. Даже запах океана и звук волн, разбивающихся о скалы либо плещущихся о песчаный берег, наполняли ее душу спокойствием. Но, ступив на веранду перед домом, еще прежде, чем захлопнула за собой дверь, Биби ощутила, как неожиданный поток слез хлынул из ее глаз. Она не была девочкой, которая плачет перед посторонними. Биби вернулась обратно в бунгало.

Разбираться в причинах, вызвавших истерику, ей хотелось не более, чем выяснять, что привело ее к нервному ознобу. Девочка хотела лишь успокоиться, унять свои рыдания до того, как поток слез может вынести перед ней на обозрение источник ее горя, если это горе, или страха, если это страх. Когда Биби поняла, что слезы могут продолжать течь из глаз столько же времени, сколько ее бил озноб, она обратилась к единственному лекарству, которое всегда ее исцеляло, – книге.

Хотя мама думала, что Биби всю ночь читала *«Тайную войну в саду»*, третью книгу из полюбившейся дочери фэнтезийной серии для подростков, на самом деле девочка даже не приступала к роману. Схватив книгу с ночного столика, Биби поспешила в гостиную, включила торшер, уселась в кресло и постаралась найти убежище в повествовании: *«Первые слухи о грядущей войне принесли нам полевые мыши, которые в дневное время путешествовали между садом позади дома Дженсена и дальним миром, что был гораздо больше нашего мирка, сокрытого от большинства людей, но известного кое-кому из детишек»*.

Сначала, читая, Биби вытирала слезы рукавами своей толстовки, но вскоре расплывающийся шрифт стал четче, а ее глаза перестали саботировать чтение.

И это длилось час за часом, день за днем. С течением времени Биби все дальше отдалялась от тревожащего ее знания, которое она хотела начисто позабыть. Жутковатое, беспокоящее девочку происшествие на чердаке постепенно превратилось в наваждение или галлюцинацию. Биби постаралась напрочь забыть откровение, являвшееся частью всего произошедшего с ней, вырезала его из ткани своей памяти и зашила образовавшуюся на его месте дыру. Так, по крайней мере, ей казалось.

Девочка читала книги и сочиняла рассказы о Джаспере, черно-сером песике, брошенном своим хозяином, который ищет себе новый дом, путешествуя вдоль Калифорнийского побережья. Спустя две недели, когда золотистый ретривер пришел к ней дождливым днем, она назвала его Олафом. По примеру многих детей, Биби сделала песика своим душевным другом, поверяя ему все тайны, все-все, которые она помнила. Биби рассказала ему о Капитане, поведала, каким замечательным человеком он был. Она сказала Олафу, что жилые помещения над гаражом – плохое место, правда, не объяснила почему.

28. Приход врача

Биби сложила пижаму и халатик в свой рюкзак. Сейчас она облачилась в джинсы и футболку с длинными рукавами, которые были на ней, когда Нэнси привезла ее в больницу. Это являлось свидетельством ее железной веры в то, что рак мозга подвергся ремиссии, что глиома не просто уменьшилась, она вообще исчезла.

Доктор Санджай Чандра вошел в палату. Биби ходила из угла в угол не вследствие излишней нервозности, а потому что хотела быстрее возвратиться в мир и вернуть себе свою жизнь. Врач замер при виде девушки. Выражение лица доктора было настолько серьезным, что у нее перехватило дыхание, словно она имела намерение проглотить большой кусок не жуя. На самом деле она ничего еще не ела.

То, что Биби приняла за серьезность или даже разочарование, на самом деле оказалось благоговейным трепетом.

– Ничего за все годы моей работы, ничто за всю мою жизнь не подготовило меня к этому. Я не могу этого объяснить, Биби. Это невозможно, однако вы вообще не больны раком.

Вчера Нэнси сказала дочери, что доктор Чандра напоминает ей Печеньку, пряничного человечка, ожившего в старой детской книжке, которую она дала девочке почитать, когда Биби было пять лет. Сходство, увиденное Нэнси, по большей части объяснялось неумной фантазией женщины. Ни один легкомысленный журнал не поместил бы на своих страницах фотографию доктора Чандры и рисунок Печеньки в рубрике «Рожденные отдельно». Впрочем, все во внешности врача (мальчишечье лицо, шоколадные капли глаз, мелодичный голос, скромность и шарм) располагало к себе. А после того, как он подтвердил, что она здорова, Биби готова была в него *влюбиться*. Девушка бросилась к нему словно ребенок в объятия своего любимого отца.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо! – восторженно восклицала она, одновременно смущаясь из-за своего восторга.

Доктор тоже ее обнял, а затем, сжимая за плечи, отстранил от себя. На его лице играла широкая улыбка, а голова медленно покачивалась.

– Первый диагноз не являлся ошибкой. У вас на самом деле была глиома.

– Конечно была. Я в этом ничуть не сомневаюсь.

– Другие опухоли можно победить. Ремиссия бывает на удивление быстрой, но это случается крайне редко. Вот только с глиомой мозга подобное не происходит. Этот ужасный рак непобедим. Я бы хотел, чтобы вы состояли у меня на учете. Надо будет со временем провести повторное обследование... много обследований.

– Хорошо.

– Онкологи, которые специализируются на глиомах, захотят с вами встретиться и обследовать.

– Ну... Я не знаю... Не думаю...

– Что-то в вас есть такое, что делает невозможное возможным. Быть может, это генетика, или что-то необычное в химии вашего тела, или превосходная иммунная система... Обследуя вас, мы, вероятно, сможем спасти много жизней.

Биби ощутила себя ужасно безответственной из-за того, что была готова ему отказать.

– Ну, если вы так считаете...

– Да, считаю. – Врач отпустил ее плечи. На его лице играло счастливое выражение человека, столкнувшегося с чудом. – Вчера, когда я сказал, что вам осталось жить не более года, вы ответили: *«Ну, это мы еще посмотрим»*. Помните?

– Да.

– Как будто вы знали, что сегодня вернетесь домой...

29. Зуд интуиции сродни зуду от ядовитого плюща

Нэнси и Мэрфи должны были приехать к ней в четыре часа, поэтому Биби решила не звонить им, не рассказывать о ночном происшествии и чудесном избавлении от смертного приговора. Хотя девушка была убеждена в том, что здорова, она не хотела, образно говоря, открывать вместе с родителями шампанское прежде, чем придет подтверждение от доктора Чандры. А еще ей хотелось видеть удивление, недоверие на лицах родителей, лицезреть радость, когда они, войдя в палату, увидят свою дочь в обычной уличной одежде, такую же румяную, как прежде.

За четверть часа до прихода отца и матери Биби Чаб Кой, начальник охраны, просунул голову в приоткрытую дверь. На нем была свежая бледно-голубая рубашка с погончиками и синие широкие штаны с наглаженными складками.

– Сможете уделить мне минуточку?

Поднявшись со стула, стоявшего у окна, Биби ответила:

– Так получилось, что у меня теперь в запасе миллион минут.

После тщетных попыток выдавить из себя дружелюбную улыбку Кой вошел в палату.

– Со времени нашего прошлого разговора мы прокрутили видеозаписи за прошедшие двадцать четыре часа с камер, расположенных на парковке. Там не было ни мистера Капюшона, ни золотистого ретривера. Он сюда не приезжал и не приходил, а во всякую чушь вроде телепортации я не верю. А вы? Вы верите в телепортацию?

– Что? Нет, конечно, не верю.

– Я вот подумал: а что, если они проникли в здание более суток назад и до сих пор здесь где-то прячутся?

– А зачем им это делать? – спросила Биби.

– Блин! Если бы я только знал! – Он пожал плечами и посмотрел озадаченно, так, словно и впрямь ничего не подозревал. – Мы тут все обыскали... Я... Нада... Зип... – Мужчина прошел мимо девушки и встал у окна, выглядывая из него. Голова Коя была откинута назад. Он задумчиво обозревал небо. – Из-за всего этого я чувствую себя дураком. Я пересматривал одну и ту же видеозапись несколько раз, пока не заметил кое-что странное. Догадаетесь, что именно.

– Понятия не имею.

Вновь отвернувшись от нее и глядя в окно, Чаб Кой промолвил:

– Когда тот парень и собака шли по коридору, мимо них в противоположном направлении прошли два человека. Сначала там была медсестра, а потом санитар. Никто из них даже не взглянул на мистера Капюшона. Странно, не правда ли? Человек посреди ночи появляется в надвинутом на голову капюшоне, а никто его даже не замечает. Когда люди видят красивую собаку, они смотрят на нее во все глаза, часто улыбаются. Большинству хочется ее погладить, спросить у хозяина, как ее зовут. Сейчас медсестра и санитар сменились с дежурства. Мне

пришлось им звонить по телефону. Оба клянутся, что в глаза никакой собаки не видели. Они непреклонны в своих показаниях: никакого пса в коридоре не было. Теперь вы понимаете, что именно я подозреваю?

– Не имею представления, – сказала Биби. – Вы мне скажете?

Развернувшись, он взглянул на девушку.

– Не знаю, как этого можно добиться, но в наши дни возможно все, когда имеешь дело с цифровыми записями, звуком и изображением. Я бы не удивился, узнай, что какой-нибудь хакер проник в архивы службы охраны больницы и каким-то образом вставил мистера Капюшона и его собаку в наши видеозаписи там, где их никогда не было.

Биби растерялась.

– Зачем кому-то понадобилось это?

Чаб Кой не стал прямо отвечать на ее вопрос.

– Я пересматривал эту запись раз сто. Не могу увидеть, где бы он облажался. Изображения того парня с собакой видны ничуть не хуже, чем медсестры и санитары. Свет освещает всех так, как должен освещать, тени на месте, но я не эксперт. Думаю, только первоклассный специалист с большим практическим опытом сможет доказать, что это подделка.

– По крайней мере, об этом вам не стоит волноваться, – возразила ему Биби. – Я видела их собственными глазами – мужчину и собаку. Они зашли в мою палату. Собака поднялась на задние лапы, а передние положила мне на кровать. Она смотрела на меня своими красивыми золотистыми глазами, которые словно светились в темноте, а затем принялась лизать мне ладонь.

Биби приподняла свою левую руку так, будто надеялась, что ДНК золотистого ретривера до сих пор можно обнаружить на ее пальцах.

Стального цвета глаза начальника охраны напоминали скальпель в руках хирурга. Взгляд его был прямым, острым и пытливым. Он явно собирался вывести обман на чистую воду. Его взор с невероятной тонкостью старался слой за слоем снять с Биби все притворное, добраться до ее сути, уцепиться за малейшую нестыковку в рассказе девушки ради того, чтобы доказать: все, рассказанное ею, – сплошное надувательство.

– Сейчас, – произнес он бесцветным тоном, из которого постарался вытравить даже намека на эмоции, – я, возможно, пребываю на почетной должности игрушечного копа в солидном учреждении, но когда-то я был настоящим копом и своих инстинктов ищейки не утратил.

Разглядывая мужчину со все возрастающим недоверием и легкой тревогой, Биби спросила:

– На что вы намекаете?

– Ни на что я не намекаю, мисс Блэр.

– Вы меня в чем-то подозреваете?

Чаб Кой приподнял брови и округлил глаза в притворном удивлении, совсем неубедительном, будто бы она неправильно поняла его слова и пришла к неверным выводам.

– И что такое я могла сделать? – спросила Биби без тени гнева или обиды, а скорее с веселым изумлением. – Сфальсифицировала ремиссию моего рака? Обманула томограф? Одурачила всех врачей? Или во всем этом больше смысла?

Если бы безудержная радость, которую она ощущала вследствие выздоровления, не была настолько свежа в сердце Биби, самодовольная улыбка начальника охраны вывела бы ее из себя.

– Интуиция старого копа, мисс Блэр. Она похожа на ядовитый плющ. Она все чешется и чешется. Ты не можешь ее игнорировать, поэтому приходится чесаться, чтобы стало полегче.

С этими словами, содержащими не то обещание, не то угрозу, Чаб Кой направился к двери.

– Попробуйте жидкость от солнечных ожогов. Запах, конечно, специфический и цвет розовый, но очень помогает от чесотки.

Не оглянувшись, Кой вышел из палаты. Из рта Биби вылетел слегка нервный смешок.

– «Безумные мотивы»²², – промолвила она.

30. Гордый собиратель десяти тысяч голов

С утра и до вечера первого дня, проведенного на крыше трехэтажного здания, четверо морских котиков с помощью перископических камер с неотражающими свет объективами и переменным фокусным расстоянием наблюдали за мертвым городком без особого риска, что солнечные лучи, блеснув на стекле, выдадут их местопребывание. Изображения передавались на дисплеи. Они были четкими, ясными и безрадостными. Когда солнце переместилось на запад, оно зависло непосредственно позади Пэкстона и его людей. Бойцы, осмелев, высунули головы из-за парапета и принялись осматривать городок: грязная желто-серо-коричневая мешанина лишенных индивидуальности строений, покрытая рябинами следов от пуль штукатурка, изрезанный трещинами, крошащийся бетон, железные, кованые ворота, бесполезно свисающие с поломанных петель, валяющиеся повсюду камни...

Их цель – Призрака – звали Абдуллахом аль-Газали. Он затаился где-то среди мрачных руин вместе с шестью своими приспешниками, фанатично преданными делу людьми, двое из которых, возможно, являлись женщинами. Призрак решил укрыться здесь, в городке, чье население было вырезано до последнего человека семнадцать месяцев назад. Возможно, он считал, что это последнее место, где его будут искать. А может быть, атмосфера бойни как нельзя больше отвечала вкусам этого ублюдка. Ему, видно, приятны были воспоминания о жестоких злодеяниях и отвратительных изуверствах. Пэкстон изучал культуру, которая порождает таких людей, но даже вся жизнь, проведенная за скрупулезными исследованиями, не смогла бы помочь понять, как они превращаются в возлюбивших смерть ненавистников, уничтожающих все то, что дорого сердцу каждого представителя остального человечества.

Абдуллах аль-Газали не делал предпочтений. Он убивал не только евреев, христиан и индусов, но также тех мусульман, чья вера была, по его мнению, недостаточно сильной, и арабов не своего племени. Призрак утверждал, что убил или приказал убить десять тысяч человек. Большинство специалистов считали эти сведения не преуменьшенными.

Призрак обычно безнаказанно передвигался по странам, население которого было напугано его жестокостью. Но в октябре прошлого года, несмотря на всю национальную безопасность, внесение его имени во все списки всех авиалиний и надзор за всеми судами, входящими в порты Соединенных Штатов, Призрак проник в страну, привел в действие десять затаившихся до времени ячеек террористов своей организации и спланировал два нападения на торговые центры, одно из которых возглавил сам. Было убито 317 человек. Большинство его сообщников погибли или же их арестовали, но Призраку удалось улизнуть из США. Вот только, вернувшись, он узнал, что больше не является желанным гостем в тех странах с монархиями и псевдодемократиями, где ему прежде бесплатно предоставляли виллы всякий раз, когда он нуждался в убежище.

Пэкса, Денни, Гибба и Перри послали восстановить справедливость. В их случае обошлось без судьи и жюри присяжных. Теперь они были в городке. Бойцам хотелось поскорее

²² «Безумные мотивы» – анимационный сериал «Ворнер Бразерс», а также группа мультипликационных персонажей, которые первоначально являлись пародией на мультфильмы Диснея.

сделать дело и вернуться домой. Их тяготило то, что приходится скрываться до тех пор, пока мишени себя не обнаружат, вместо того чтобы храбро броситься на поиски.

Позже, к концу дня, мужчина появился на плоской, огороженной перилами крыше двухэтажного здания, стоящего в конце той же улицы. Хотя он был одет в серое с целью слиться с цементом вокруг, его камуфляж представлял собой жалкое зрелище. На шее у него висел бинокль. Морские котики тотчас же опустили свои полевые бинокли, исчезнув из зоны видимости.

Перри поднял камеру на палке так, что она едва виднелась над парапетом. Аппарат был очень маленьким, поэтому опасности, что их заметят часовые, почти не существовало. Перри и Пэкстон лежали, разделенные дисплеем, и разглядывали увеличенное изображение террориста. Не Абдуллах. Один из его приспешников. Мужчина прикурил сигарету, затаился два раза и, подняв бинокль, начал обозревать эту границу цивилизованного мира, которую он и его товарищи использовали в качестве крысиного гнезда.

С поднятой второй камерой Гибб и Денни лежали по обе стороны от своего дисплея. Четверо мужчин, разглядывающих курильщика и анализирующих его поведение, – это лучше, чем двое. Один может заметить что-то важное, то, что упустят из виду трое других. Для начала Пэкстон пришел к выводу, что шесть мишеней должны были чувствовать себя в относительной безопасности. В ином случае часовой не стал бы лишь время от времени делать поверхностный осмотр городка. Не исключено, что их осторожность притупили наркотические средства. Такие трезвенники, как они, часто садятся на наркотики. Массовые убийства – дело стрессовое. После всего им приходится снимать напряжение.

317 покупателей. Десять тысяч жертв. Во времена, когда Муаммар Каддафи правил Ливией, Призрак дал интервью одной американской телекомпании на вилле, расположенной в этой стране. Если не считать обычного пропагандистского разглагольствования, он заявил, что в одной из его «резиденций» находится небольшая коллекция отрубленных голов. Призрак ядовито заметил: головы эти подобны книгам, расставленным на полках. Каждая связана со своей собственной историей. Он хотел бы иметь куда бóльшую «библиотеку», такую, в которую можно поместить все десять тысяч голов.

Целый день Пэкс то и дело вспоминал Биби, волновался за нее, думал, с какой стати прошлой ночью у него в мозгу возник этот яркий образ из прошлого. Теперь, впрочем, мысли о ней отступили на второй план.

Надо заниматься делом. Он и его люди сделают свою работу настолько добросовестно, насколько возможно, а еще получают от этого моральное удовлетворение.

31. Довести до безумия, когда меньше всего этого ожидаешь

Нэнси и Мэрфи не знали, смеяться им или плакать. Как всегда, когда родители разрывались между противоречивыми эмоциями, они предались обеим, попеременно переключаясь то на смех, то на плач. Слезы радости насыщали влагой огромный сад страхов перед грядущим. Их эмоции были настолько бурными, что медсестре пришлось войти в палату и вежливо напомнить: другим пациентам здесь нужны тишина и покой.

Как только Биби подписала все необходимые бумаги, она вместе с отцом и матерью проследовала в коридор, села в лифт, спустилась в вестибюль и вышла на автостоянку. При этом все они одновременно болтали. У родителей накопились тысячи вопросов. Они хотели узнать все, но не могли сдержаться и продолжали обнимать и целовать дочь. То и дело слышались восклицания радости, многие из которых были позаимствованы Мэрфи и Нэнси из сленга серфингистов: «эпично», «обжимуси», «в доску святой», «стеклянная труба дня», «ништяк»... Впервые их лексикон резанул Биби слух своей неуместностью. Кажется, пер-

спектива флирта их дочери со Смертью вновь заставила родителей вернуться к привычкам своей молодости.

Ужин должен быть праздничным, таким, чтобы они на всю жизнь запомнили эту ночь. Надо весело и шумно отдать дань тому, как невозможное стало возможным. Биби прекрасно знала, что из этого получится: наилучший в городе ресторанчик, где, помимо мексиканской кухни, подают еще традиционные американские бургеры. Сыр присутствует везде. Специи – очень-очень забористые. Много бутылок ледяного пива «Корона». Слишком много рюмок текилы. Однако Биби уступила, потому что проголодалась, была счастлива и до сих пор не отошла от приятного шока, но главное потому, что любила родителей. Они всегда были милыми, веселыми и приятными людьми. Алкоголиками их никто бы не назвал, между тем примерно раз в месяц они позволяли себе напиваться, когда случался повод.

Во время ужина Нэнси что-то прошептала мужу на ухо и вышла из-за столика. Когда через десять минут она вернулась, хихикая, Мэрфи шепнул пару слов ей. Затем уже он отошел минут на десять. Они явно что-то задумали. Биби немного страшила мысль о том, что же могли учудить ее родители. Они великодушны и заботливы, но переизбыток душевных волнений вкупе с алкоголем представляют собой опасную смесь. Сейчас мать и отец вполне могут сделать ей чудовищно неподходящий подарок.

После публикации первого романа дочери они подарили ей нелегально завезенного в страну тигренка, и это показалось им вполне уместным, учитывая, что одна большая кошка играла активную роль в произведении Биби. Девушке пришлось связаться с благотворительной организацией, занимающейся защитой братьев наших меньших, соврать, будто нашла тигренка в парке, и проследить, чтобы маленькому существу предоставили первоклассные апартаменты, специально подготовленные для экзотических животных.

Больше ей не нужно тигренка или, не дай Господь, слоненка, однако Биби хранила молчание, так как прекрасно знала: если родители задумали сделать ей «идеальный подарок», то ничто, никакие доводы дочери не смогут им помешать. Они могли довести ее до безумия, когда она меньше всего ожидала этого.

Биби пила мало пива и вообще не притрагивалась к текиле, делая, впрочем, вид, что не отстает от Мэрфи и Нэнси. Она настояла на том, чтобы ни они ее, а она их отвезла домой, и пообещала вернуть «БМВ» утром. Мэрфи и Нэнси, усевшись на заднее сиденье, уютно прижались друг к другу, словно подростки.

Перед их домом в районе Корона-дель-Мар они неуклюже пытались выпутаться из складок одежды и выбраться из автомобиля, и это очень напоминало известный номер в цирке «Ринглинг Брос», когда клоуны, примерно так же барахтаясь, стараются выбраться из потешного автомобильчика размером с газонокосилку.

Нэнси, замерев посреди этого «представления», сказала дочери:

- По приезде, ангелочек, прими это как факт.
- Что принять?
- Увидишь, – широко улыбнулся отец.
- Ну, нет! Я не думаю, будто это нынче уместно.
- Это именно то, что тебе нужно, – заверил ее Мэрфи.
- Мне сейчас, папа, нужны горячая ванна и мягкая кровать.
- Ее зовут Калида Баттерфляй.
- Кого это зовут?

Мэрфи захлопнул дверцу автомобиля. Чуть нагнувшись вперед и широко улыбаясь, родители посмотрели сквозь переднее пассажирское стекло, помахали дочери и послали на прощание воздушные поцелуи, словно Биби не умирала еще вчера от рака, а была восемнадцатилетней выпускницей, отправляющейся на учебу в колледж. *Чему быть, того не миновать.* Все завершилось чем-то сродни чуду. Неожиданное исцеление было нереальным.

Логически объяснить его не получалось, но утром – в этом Биби была уверена – ее родители, проснувшись, забудут обо всех своих недавних волнениях и переживаниях, они не станут тратить энергию, задавая себе вопросы, начинающиеся с «почему» и «что, если бы». Они возьмут свои доски для серфинга и отправятся на пляж. Они не пожелают испытывать судьбу излишним любопытством и будут жить как живется до тех пор, пока жизнь не преподнесет им очередной неприятный сюрприз, каким бы он ни был.

По дороге домой Биби напоминала себе, что, пока она ждала своей очереди на берегу Стикса, у нее забрали и разорвали билет в царство мертвых, поэтому ей следует быть благодарной за каждый вздох и терпеливо воспринимать все эти маленькие неприятности и помехи. Вот только легче сказать, чем сделать, когда кто-то по имени Калида Баттерфляй ждет тебя дома именно с тем, что тебе теперь нужно.

Биби остановила машину на одном из двух мест парковки, зарезервированных за ее квартирой, и выключила фары, но двигатель оставила работать вхолостую. Девушка подумывала о том, чтобы опустить стеклоподъемники на дюйм, наполнить свежим воздухом автомобиль и немного поспать прямо здесь. Это было бы очень уж по-детски. Даже в детстве она нечасто вела себя как обычный ребенок. Выключив двигатель, Биби, впрочем, не почувствовала удовольствия от осознания своей взрослости.

Во внутреннем дворике квартирного комплекса зданий царила полнейшая тишина ночи. Пальмы и папоротник замерли неподвижно, словно нарисованные на диораме. Облачка пара поднимались над разогретой водой таинственно освещенного бассейна. Молодой человек, лоснящийся, будто форель, без труда рассекал мощными гребками воду. Слышался лишь едва различимый плеск: хлюп-хлюп-хлюп-хлюп...

Прихватив рюкзачок и лэптоп, Биби взобралась по стальной лестнице на длинный балкон, тянувшийся вдоль всего третьего этажа. Девушка дошла до двери своей квартиры, которая оказалась открытой. За порогом и небольшой передней проглядывались экстравагантного вида букетики, составленные из алых и белых роз, украшавшие гостиную. Создавалось впечатление, что здесь собираются вскоре играть свадьбу. Везде, где не стояли вазы с цветами, были стеклянные подсвечники, в которых мерцало колышущееся пламя свечей.

Пока Биби нерешительно застыла в прихожей, справа к ней шагнула женщина, одетая в белую безрукавку, белые слаксы и такого же цвета туфли без каблучков. Ее ошибочно вполне можно было бы принять за специалиста по лечебной физкультуре или медсестру стоматологического кабинета, если бы не голубой шелковый кушак вместо пояса и украшенный звездами бледно-голубой шарфик, повязанный вокруг шеи. Уши незнакомки украшали свисающие серебряные серьги, состоящие из трех колец, каждое – разного диаметра. На запястьях виднелись дорогие на вид браслеты. Перстни и кольца на пальцах дополняли этот ювелирный магазин. Настоящая амазонка. Пять футов десять дюймов роста, возможно, все шесть²³. Внушительная, но очень женственная. Лицом она напоминала Грету Гарбо²⁴, если бы та была больше похожа на Николь Кидман. На вид ей было лет сорок. Чистая гладкая кожа. Светлые волосы достигали плеч и образовывали так называемую прическу пажа. В зависимости от освещения дрожащего света свечей ее глаза казались то голубыми, то зелеными, то серебристо-серыми.

Слегка хриловатым, но одновременно мелодичным голосом женщина произнесла:
– Я Калида Баттерфляй. Добро пожаловать в первый день твоей новой жизни!

Хотя ее родители придерживались более традиционных взглядов, чем они сами думали, хотя любимая ими субкультура серфингистов, имея определенное сходство с суб-

²³ Около 1 м 75 см – 1 м 80 см. (Примеч. ред.)

²⁴ Грета Гарбо (1905–1990) – шведская и американская актриса. В 1954 году получила почетную премию «Оскар» за выдающийся вклад в развитие киноискусства.

культурой лесбиянок, не выказывает особого терпения по отношению к любви между двумя женщинами или мужчинами, у Биби вдруг мелькнула мысль, что этот подарок рискует стать ее первым лесбийским экспериментом.

Но, конечно, все случилось по-другому. Она вот-вот должна была узнать, почему излечена от рака мозга.

II. Девушка с миссией, девушка в бегах

32. Соланж Сейнт-Круа и эффект бабочки

Калида Баттерфляй принесла с собой раскладывающийся массажный столик, а также небольшой плоский чемоданчик из кожи страуса. Чемоданчик имел два отделения и открывался с двух сторон. В одном отделении хранились лосьоны, масла и прочие вещи, имеющие отношение к массажу. Во втором, как заявила женщина, было то, что понадобится после, но пока она не расслабит напряженные мышцы Биби, и словом об этом не обмолвится.

– Если ты будешь думать о том, что последует за массажем, ты не расслабишься, – заявила Калида.

– Если я буду гадать, что же будет дальше и почему столько таинственности, я ни за что не расслаблюсь, – возразила Биби.

– Ты писательница, а писатели – настоящие диктаторы. Писатели привыкли повелевать своими персонажами и заставлять их делать то, что нужно для развития сюжета.

– Ты ошибаешься. Писатели так не делают.

– Вот и хорошо. Со мной поступать подобным образом не следует, – снимая свои браслеты и кольца, сказала Калида. – А теперь ложись и будь хорошей девочкой.

Обвернув грудь полотенцем, в одних трусиках, Биби делала то, что ей говорили. Замешательство быстро улеглось благодаря несколько грубоватой, но успокоительной манере общения, которую избрала для себя Калида. А вот беспокойство никак отступить не хотело, и Биби не могла понять причины своего душевного состояния. Не исключено, что это остаточное действие испуга, вызванного раком, призрак беспокойства, которое больше не тревожит ее.

В столике было вырезано отверстие для лица. Биби смотрела на ковер, расстеленный в гостиной, и мерцающие, словно на воде, отражения свечного света.

– Это ты принесла все эти свечи и розы? – спросила Биби, лежавшая в ожидании массажа.

– Святые небеса! Нет. Твои родители попросили меня, чтобы я заказала через доставку. За два часа я все уладила.

– Как тебе удалось?

– Есть связи, но это конфиденциальная информация. А теперь тсс...

Калида включила айпод. Зазвучал один из приятнейших голосов, когда-либо записанных в студии. Израэль Камакавиво'оле²⁵ исполнял поппурри из успокаивающих нервы «Где-то над радугой» и «Что за чудесный мир».

– А как ты сюда зашла?

– У твоей мамы есть запасной ключ. Она сунула его в конверт и оставила старшей официантке в ресторане, а я забрала.

Спустя пять секунд после первого прикосновения Биби осознала, что у Калиды Баттерфляй волшебные руки.

– Где ты этому научилась?

– Ты хоть когда-нибудь молчишь, девочка? Помолчи, и ты поплывешь.

– Куда поплыву?

– Туда и сюда. А теперь помолчи-ка, а не то я заклею тебе рот скотчем.

²⁵ Израэль Камакавиво'оле (1959–1997) – гавайский музыкант, исполнявший песни под аккомпанемент гавайской гитары укулеле.

– Не заклеишь.

– Не стоит испытывать мое терпение. Я не твоя дежурная массажистка.

Несмотря на легкую тревогу, Биби справилась с программой. Мерцание языков свечного пламени на ковре действовало на нее усыпляюще.

Когда Биби начала уплывать, то принялась фантазировать, что женщина, ее массирующая, не Калида Баттерфляй, а какая-то другая, обездвижившая Калиду или, возможно, убившая, чтобы занять ее место, что...

Для чего?

Нет. Все это причуда романиста, причем не особо хорошего. Получается сюжет плохого триллера или фильма с пронзительно визжащими скрипками и последней королевой визга молодой Джейми Ли Кёртис.

Дрожащий, неверный свет. Музыка. Волшебные руки Калиды. Биби вновь и вновь плыла, плыла прочь, плыла в никуда...

Куда-то... в супермаркет «Гелсон». Экспресс-касса. Прошло семь месяцев с тех пор, как Биби ушла из университета.

Она удивилась, что снова в ее памяти всплыл образ доктора Соланж Сейнт-Круа, второй раз за два дня, а ведь столько воды утекло...

* * *

В тот день, три года назад, она заскочила в супермаркет за головкой салата-латука, несколькими зрелыми, но твердыми томатами, редисками и сельдереем. Положив все в корзину, Биби узнала свою бывшую преподавательницу. Женщина стояла последней в очереди перед экспресс-кассой.

Первым желанием девушки было отойти и пройтись по рядам, хотя ей не нужно было еще что-то покупать. Надо лишь задержаться, пока богоматерь университетской программы по литературному творчеству не поспежит и благополучно отсюда уйдет. Столкновение с женщиной в минималистском кабинете с полупустыми книжными полками, однако, оставило зияющую рану в самолюбии Биби. Она всегда могла постоять за себя, никогда не робела, не отступала без видимых причин, но в тот раз Биби пошла на попятную с нехарактерной для нее покорностью, шокированная и сбита с толку неожиданным гневом профессорши. Если она отступит сейчас, спрячется в бакалейном отделе, это будет второй удар по ее самолюбию, теперь еще более сильный.

Коль уж начистоту, было у нее и другое соображение. За семь месяцев после ухода из университета, живя с родителями, Биби написала шесть рассказов. Три были опубликованы в «*Антиохском ревю*», «*Гранте*» и «*Фургоне переселенцев*». Такая плодовитость и успех у редакторов казались удивительными для девятнадцатилетнего новичка. В глубине сердца Биби таила не свойственное ей желание поделиться своим триумфом с бывшей преподавательницей.

Она встала позади женщины в очередь, заставляя себя не форсировать события: пусть профессорша сама первая заговорит с ней. Биби не станет проявлять сарказма, рассказывая о своей удаче. Стараясь быть искренней, она поблагодарит профессоршу за все то, чему научилась в течение тех трех месяцев. Она сделает вид, что уход из университета сослужил ей добрую службу, указав на ошибки и поспособствовав дальнейшей литературной карьере. Биби проявит столько искренности и скромности, что Соланж Сейнт-Круа растеряется с ответом.

В корзинке профессорши было девять покупок. Когда пожилая женщина повернулась налево к конвейерной ленте, чтобы выложить их, краешком глаза она заметила Биби. Соланж

Сейнт-Круа порывисто повернулась. На лице профессорши появилось почти комическое выражение изумления.

Женщина, кажется, носила ту же самую одежду, что и в тот день, когда извергала пламя в своем кабинете. Дамский юбочный костюм, по-видимому, был сшит на заказ, но казался каким-то поношенным. Блузка серо-зеленого цвета засохших морских водорослей. Седящие волосы собраны на затылке в узел, как и прежде. На лице – никакого макияжа. В голубых глазах холода столько, что профессорша, похоже, способна была заморозить ее взглядом, как мифическая Медуза.

Прежде чем Биби смогла вымолвить хотя бы слово, профессорша завопила:

– Наглая маленькая сучка! – Она брызгала слюной. Лицо Соланж Сейнт-Круа искажала смесь гнева и страха. – Ты следишь за мной! Преследуешь!

Биби не успела заверить женщину в обратном – профессорша продолжала скандалить:

– Я заявлю на тебя в полицию! Думаешь, я не позвоню? Я добьюсь, чтобы суд запретил тебе ко мне приближаться! Ты сумасшедшая!

В последующем за этим потоке оскорблений профессорша не раз использовала слова, начинающиеся на «б», «ш» и «с». Нельзя было понять, что ею движет в большей степени – ярость или настоящий страх.

– Уберите от меня эту девчонку! Кто-нибудь, помогите мне! Уберите ее!

Три покупательницы уже стояли в очереди позади Биби, делая бегство девушки еще более проблематичным, чем ей хотелось. Возможно, окружающие узнали эту уважаемую профессоршу. Быть может, несмотря на все ругательства, Соланж Сейнт-Круа выглядела слишком жалкой, похожей на вдову, поэтому безотчетно вызвала сочувствие. Биби казалось, что все покупатели, кассирши и грузчики в передниках смотрели... *пялились* на нее так, словно она совершила что-то кошмарное в отношении беспомощной пожилой леди. Никто ничего, конечно, не видел, но оскорбление должно было быть просто ужасным... А как по-другому объяснить случившееся? Сейнт-Круа снова и снова взывала о помощи, жалуясь на свою опасную «преследовательницу». Биби вернулась обратно и, повернув налево, пошла вдоль касс. Она была обескуражена до глубины души, а еще унижена. Девушка не понимала, куда идет, пока не поставила корзину со своими покупками на рекламный стенд кока-колы, извинилась перед молодой мамашей с ребенком, на которую случайно натолкнулась, и направилась к ближайшему выходу.

* * *

Слишком много для «плавания».

– Ты вдруг напряглась, – заметила Калида Баттерфляй.

– Плохие воспоминания.

– Мужчины, – сделала массажистка неправильный вывод. – Ничего с ними не поделаешь... разве что пристрелить, но это незаконно.

После случившегося Биби год не посещала «Гелсон», хотя прежде это был ее любимый супермаркет. Даже сейчас девушке казалось, что продавщицы иногда ее узнают и, чтобы не нарываться, стараются исчезнуть поскорее от греха подальше.

С тех пор она ни разу не встречалась с доктором Соланж Сейнт-Круа и очень надеялась, что никогда больше не встретится. Биби не имела ни малейшего понятия, с какой стати профессорша так безумно повела себя с ней. Поразмыслив, девушка предположила, что это, скорее всего, ранняя болезнь Альцгеймера.

Сквозняк заколыхал пламя свечей. Трепещущие каскады мягкого янтарного света рассеивались по комнате, наполненной благоуханием роз. Биби набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула через отверстие в массажном столике.

– Вот так-то лучше, – заметила Калида, – гораздо лучше. – Через несколько минут она произнесла: – Ну, с этим покончено, девочка. А теперь узнаем, почему ты избавилась от рака.

33. В ожидании, когда появятся плохие люди

Полностью одевшись, чувствуя себя приятно уставшей, Биби откупорила охлажденную бутылку шардоне, налила в два бокала и поставила их на пластмассовую столешницу столика с хромированными ножками из обеденного уголка. Калида Баттерфляй забрала несколько свечей из гостиной и расставила их на обеденном и разделочном столах, чтобы создать соответствующую атмосферу для продолжения того, что она задумала.

Поставив чемоданчик из страусовой кожи на черный винил стула с хромированными ножками, Калида спросила у Биби:

– Ты знаешь, что такое гадание?

– Предсказание будущего, – ответила Биби.

– Не только. С помощью гадания можно выявить скрытое знание о сверхъестественной подоплеке событий.

– Какое такое скрытое знание?

– Любое скрытое знание, – сказала Калида, открывая то отделение чемоданчика, где не хранились массажные масла.

– Я не верю в предзнаменования и всю прочую чепуху.

Калида, не обидевшись, бодро заявила:

– Ладно. Гадание, веришь ты в него или нет, от этого менее истинным не становится.

Биби увидела в ее чемоданчике, помимо других вещей, «Зиг-Зауэр П220»... Или это «П226»? Биби узнала оружие потому, что «П226» с магазином, рассчитанным на девятимиллиметровый патрон, был стандартным пистолетом на вооружении морских котиков. Пэкстон приобрел себе «П220» по той причине, что он рассчитан на сорок пятый калибр. В ближнем бою от таких пуль плохим парням достается больше. Внешне эти две модели не отличаются. У Биби имелся «П226», и Пэкстон научил ее им пользоваться. Это был его подарок на обручение.

Затихнувшая тревога насчет Калиды теперь вновь закралась в сердце Биби.

– А зачем пистолет?

Калида взяла оружие из чемоданчика и положила на стол.

– Гадание создает парапсихический эквивалент сейсмических и ударных волн. Большинство людей не чувствуют их или не понимают, что именно они чувствуют. Но некоторые могут их ощущать, а иногда определять их источник.

– А что за люди?

– Плохие. Это все, что тебе нужно знать. Обычно они меня не трогают. Они знают, что не стоит связываться с Калидой Баттерфляй.

Эксцентрические личности и подробности их маний были замечательным материалом для писателя. Услышанное очень заинтересовало Биби.

– А в пистолете – серебряные пули?

Вытащив из чемоданчика бутылочку медицинского спирта, свернутый в небольшой рулон бинт в дюйм шириной и катушку удобного в обращении лейкопластыря, Калида промолвила:

– Не думала, что ты из тех писательниц, которые падки на клише. Старые добрые американские пули для этого дела вполне годятся.

Биби уселась на один из стульев, сжимая винный бокал обеими руками.

– А как тебя зовут на самом деле?

– Калида Баттерфляй. Можешь верить, можешь не верить.

– В Калиду я поверить еще могу, но кем ты была до того, как стала Баттерфляй?

– Ладно. Признаю. Ты вывела меня на чистую воду. До того, как стать Калидой Баттерфляй, я была Калидой Гусеницей²⁶.

Массажистка-гадалка положила небольшой пакетик величиной с два спичечных коробка возле бутылки со спиртом, а затем снова полезла в чемоданчик. Потянувшись, Биби взяла этот пакетик. Оказалось, что это набор швейных иголок всевозможных размеров.

– А что ты собираешься здесь шить? – вернув пакетик на место, поинтересовалась девушка.

– Плоть.

За этим ответом следовало бы задать очередной вопрос, но Биби промолчала. Сперва гадание, хотя и казалось совершенно никчемным времяпровождением, обещало ее позабавить, но по мере того как странности множились, нагромождаясь друг на друга, настроение Биби начало ухудшаться. Нэнси и Мэрфи водили знакомство с довольно эксцентричными типами, однако большинство из них были безвредными дурачками, помешанными на серфинге. Их столько раз кидали, вертели, били и кружили чудовищные волны приливов, что окончательно лишили головы помешанных остатков здравомыслия. Калида не казалась опасной психичкой, но и до конца намотанной, как новая катушка бечевки, она тоже не была.

Напоследок женщина вытащила из чемоданчика сложенную белую хлопчатобумажную ткань, небольшую серебряную мисочку и фланелевый мешочек, содержимое которого глухо постукивало, когда она его доставала.

– Я не знала, что мои родители интересуются этим. Ну... они никогда не выказывали при мне желания узнать свое будущее. Ну, ты знаешь... *Чему быть, того не миновать...*

Калида присела, взяла бокал и вылила в рот половину вина с таким видом, словно ей все равно, какой у напитка вкус.

– Как я уже говорила: гадание не только предсказывает будущее.

– Ну да. Гадание также является открытием скрытого знания о сверхъестественной подоплеке событий. И какое знание мои папа и мама хотели в свое время открыть?

– Ты милая девочка, но уж слишком говорливая. Я храню тайны моих клиентов не менее рьяно, чем священники – тайну исповеди.

Биби отповедь Калиды совсем не смутила.

– А когда ты впервые заделалась гадалкой?

Вместо того чтобы ответить, женщина одним глотком допила шардоне. Она опустила бокал на столешницу и уставилась в глаза Биби, словно хотела проверить, как долго та может хранить молчание. Свет пламени свечей касался ее лица, будто пытаясь приподнять тени, частично скрывающие его. Ранее цвет ее глаз менялся в зависимости от угла падающего на них освещения, однако сейчас они приобрели устойчивый оттенок зелени. Они напомнили Биби глаза тигренка, которого ей подарили родители.

Подняв бутылку и вновь наполнив бокал, Калида наконец ответила:

– Я начала двадцать семь лет назад. Мне было тогда шестнадцать. Меня всему обучила мама.

– А как ее звали?

– Талией. Талия Баттерфляй.

– Баттерфляй и Баттерфляй. Значит, вы работаете вместе как мать и дочь? Есть юристы мать и дочь, работающие вместе...

– Моя мама умерла двенадцать лет назад, и ее смерть легкой не была.

²⁶ В тексте оригинала присутствует игра слов. «Butterfly» с английского переводится как «бабочка», а «Caterpillar» – как «гусеница».

Хотя Биби не знала, чему верить, а чему нет, она почувствовала себя неважно из-за своей излишней легкомысленности.

– Извини. А что с ней случилось?

– Однажды ночью, после сеанса, такого же, как этот, появились плохие люди. Они пытали маму и расчленили ее труп. Если ты полагаешь, что я все придумала, поищи в интернете. Преступников так и не нашли.

34. Ушко иглы

Астрагаломантия – предсказание будущего или узнавание тайного знания посредством игральных костей. Церомант капает расплавленным воском в холодную воду и пытается растолковать образы, возникающие на воде. Галомантия – толкования образов, оставленных пригоршней рассыпанной соли. Некромант ищет ответы на свои вопросы у мертвых.

Когда Калида дернула завязки фланелевого мешочка и рассыпала испещренные знакомыми буквами костяшки на обеденном столе, она произнесла:

– Моя мама изобрела и довела до совершенства оккультное искусство, названное ею словоделомантия.

Биби едва не рассмеялась, но потом подумала о жестоком убийстве и расчлененном трупе, о чем больше можно узнать из интернета. Девушка проглотила свой смех и запила его глотком вина, стараясь скрыть, как близко она была от того, чтобы оскорбить другого человека. Даже среди тех, кто интересуется таким пустым и никчемным занятием, как гадание, встречаются социопаты, и ты невольно можешь стать жертвой их гнева. Впрочем, удивляться этому не стоит. Чем бесполезнее и никчемнее объект вашего интереса, тем выше вероятность, что дорогу вам перейдут люди без морального компаса, склонные к насилию, пустопорожные, бредущие по жизни в поисках подтверждений своих взглядов. К тому же она не хотела задеть чувства Калиды.

– Нам говорят, что в самом начале было Слово, – произнесла женщина, – и этот мир, вся наша Вселенная были созданы после его произнесения. Мама пришла к выводу, что лучший материал для гадалки – это слова. Ни человеческие потроха, ни линии на твоей руке, ни пригоршня соли, высыпанная на стол, а слова. Но если они существовали раньше материи, солнца, мира, морей, людей и гадалок, значит, алфавит должен был существовать еще до того, следовательно, слова можно составлять. Буквы более основательны и могущественны, чем все прочее, и гадалка может использовать это ради того, чтобы узреть тайны Вселенной. Сейчас я задам тебе вопрос, Биби Блэр, и ты должна ответить на него как можно искреннее, откровеннее. В зависимости от твоего ответа я внесу в сеанс определенные изменения. Словоделомантия кажется тебе логичной или нет? Я не спрашиваю, веришь ли ты или не веришь. Меня интересует, кажется ли тебе подобный вид гадания вполне логичным и, если да, – до какой степени.

Калида, подавшись вперед, оперлась о стол и наклонила голову ближе к Биби. Ее светлые волосы вспыхнули и засверкали в пламене свечей, обрамляя лицо женщины подобно золоченым крыльям. Глаза гадалки привели Биби в замешательство своим ястребиным блеском и застывшим вниманием хищника. Хотя эта женщина была немного симпатична Биби, порой девушке начинало казаться, что они были рождены в разных мирах и никогда не смогут понять друг друга.

– Так мамина теория логична, а если логична, то до какой степени? – тихо промолвила Калида.

В стеклянных полусферах на столе пламя свечей шипело и колыхалось, находя нечто инородное на фитилях. Создавалось впечатление, будто тающий воск поддакивает гадалке.

– Ну, я не нахожу много смысла во всем этом гадании, – произнесла Биби, стараясь быть искренней, но при этом не показаться уж слишком высокомерной. – Я больше интересуюсь тем, что с помощью слов обретает свое существование, чем каким-либо оккультным, способным узреть скрытое знание.

– А если то, что обретает существование посредством слов, и скрытое знание – одно и то же?

– Я так не думаю, – сказала Биби.

Ястребиноголазая гадалка, казалось, искала глубину во взгляде Биби, словно настоящая хищная птица, что парит в океане воздуха и всматривается в луг далеко внизу в поисках мышки, чтобы обрушиться на нее сверху и сцапать. Потом Калида откинулась на спинку стула. Крылья льняных волос сомкнулись по сторонам лица женщины, прикрывая ей уши. Она вновь отпила вина, прикончив полбокала зараз.

– Ты заперла дверь в квартиру, когда вошла?

Биби кивнула.

– Да.

– А второй выход есть?

– Нет.

– А окна закрыты?

– Да.

– Тогда чем раньше начнем, тем быстрее закончим. Чем быстрее сделаем, тем безопаснее.

Гадалка смахнула костяшки с буквами со стола в серебряную мисочку. Кольца ловили на себя отблески свечей. Биби отпила вина и принялась его смаковать, обдумывая, не обидятся ли ее родители, если она откажется от второй части подарка и отошлет женщину.

Калида поставила мисочку на стол. Из пакетика с иглами женщина вытащила самую длинную иглу, поднесла кончик к пламени свечи, а потом положила ее на сложенную белую ткань. Открутив крышечку бутылочки с медицинским спиртом, Калида засунула большой палец левой руки в горлышко и подержала его немного в спирте. Затем она закрутила крышечку.

Когда гадалка правой рукой взяла иголку длиной в два дюйма, Биби воскликнула:

– Ну, вы ведь не серьезно?

Калида заговорила мягким голосом на незнакомом Биби языке. Женщина вогнала иглу себе в подушечку большого пальца, не под ноготь, а сбоку, пронзив плоть насквозь. Теперь ушко торчало с одной стороны, а сверкающее острие – с другой. Примерно третья часть иглы скрылись в ее плоти.

– Какого черта?! – воскликнула Биби, когда кровь полилась из двух ранок на белую ткань.

Калида произнесла несколько слов на загадочном языке, а затем сквозь стиснутые зубы прошипела, преодолевая боль:

– Твой скептицизм мешает мне помогать тебе. Я вынуждена преодолевать твое неверие. Ничто так не содействует концентрации воли, как боль.

– Это дурость.

– Если ты не прекратишь бесполезные комментарии, – предупредила гадалка, – мне придется проткнуть себе другой иглой ладонь.

– Не придется, мы можем сейчас все это прекратить.

Биби оттолкнула назад стул, на котором сидела.

Лицо Калиды исказила гримаса.

– Мы начали сеанс. Мы должны его закончить, закрыть дверь, которую я распахнула, а не то эти парапсихические ударные волны, упомянутые мною прежде, ничем не остановить.

Они радиомаяки, чей зов непреодолимо завлекателен. Если эти люди придут, то ты им не обрадуешься.

Скептицизм Биби не был абсолютным. Пронзившая палец игла и кровь свидетельствовали об искренности Калиды, пусть даже не о ее здравомыслии. После недолгого колебания Биби уселась, выровняв спину, и пододвинула стул поближе к столу.

Мама и папа не стали для нее чужаками лишь потому, что заинтересовались гаданием и сделали ей этот странный «подарок». Ничто не могло уменьшить полноту ее любви к ним, вот только созданный ею приличный образ родителей, судя по всему, не совсем соответствовал действительности. Устоявшееся мнение о внутренней жизни отца и матери теперь представлялось девушке неполным, незрелым и, возможно, наивным.

Помешав правой рукой костяшки в серебряной мисочке, Калида, как казалось, обратилась к кому-то невидимому:

– Я истекаю кровью в жажде получить ответы. Мне нельзя отказать. Приди... – Потом она обратилась к Биби: – Сколько букв ты выберешь?

– Не знаю. Откуда мне знать?

– Девочка, ты должна мне помочь. *Сколько букв?*

Биби взглянула на кухонное окно над раковиной и ощутила странное успокоение из-за того, что оно в самом деле было закрыто.

– Одиннадцать, – произнесла она, хотя не имела ни малейшего понятия, почему выбрала именно эту цифру. – Одиннадцать букв.

35. На расстоянии полутора миров

Пэкстон и Денни не верили в привидения. Перри не исключал такой возможности, но сам призраков никогда не видел. Только Гибб верил в реальность существования беспокойных духов так же твердо, как в существование воздуха, которым он дышал. Его мама, растившая сына одна, иногда видела покойного мужа прогуливающимся по полям за домом, или стоящим под дубом во дворе, или сидящим на крыльце. Муж всегда улыбался и был полупрозрачен. После увиденного мать заявляла: ее дорогой Гарри отказался отправиться туда, куда попадают все добрые души после смерти, а предпочел остаться со своими обожаемыми женой и сыном, которых он при жизни любил так, как ни один другой мужчина на свете. Гибб ни разу не видел привидение, хотя очень хотел этого. Он знал, привидения существуют, ведь его мама никогда не лгала, а еще после каждой встречи с покойным мужем она прямо-таки светилась от счастья.

Как бы там ни было, никто из морских котиков, включая сомневающегося Перри и верящего в потустороннее Гибба, не думал, что этот городок в бесплодной пустоши на заднем дворе ада могут населять привидения. Хотя, казалось бы, это проклятое поселение как нельзя лучше подходит для гостей из иного мира. Демоническая, всеразрушающая жестокость, с которой убили жителей, распространилась не только на их тела, но и на их души, лишив этих людей жизни после смерти, а значит, возможности являться в мир живых в виде призраков.

В три часа ночи морские котики покинули свой наблюдательный пост на крыше и двинулись по узким улицам тихо крадучись, словно призраки. Город, освещенный лишь эфемерным, неясным светом, казался мертвым с самого своего появления, будто какой-то кратер на поверхности лишенной атмосферы Луны. Жилища теснились, отделенные друг от друга высокими стенами. Странное глухое размежевание, почти сегрегация²⁷. Грубо возведенные, мрачные дома, лишенные комфорта и духа товарищества. Каждая семья жила здесь

²⁷ Сегрегация – политика принудительного отделения какой-либо группы населения. (Примеч. ред.)

как отдельное племя на своем крошечном островке в архипелаге. Все эти дома были напрочь лишены самобытности, а также истории. Они не стали даже могильными памятниками для тех, кто здесь когда-то обитал.

У Пэкса мелькнула мысль, не случится ли так, что это самое мертвое из всех мертвых мест станет могилой и для него самого, но старшина отмахнулся от подобной вероятности. Как ни странно это для гражданских, морские котики, закаленные в боях, ценят собственные жизни меньше, чем жизни своих побратимов, меньше даже, нежели честь. Только так ты сможешь победить в войне.

Разделившись на две группы, они принялись окружать цель, тихо ступая по улочкам, тянувшимся параллельно к той улице, на которую фасадом выходил дом, – именно на его крыше они и видели террориста. Пэкс и Перри зашли сзади. Здание, расположенное рядом с предполагаемым гнездом Абдуллаха аль-Газали, было полуразрушенным. Четверть часа им потребовалось, чтобы крадучись пересечь огороженный каменным забором и заваленный строительным мусором внутренний дворик и, прошмыгнув мимо полуразрушенной внутренней обстановки дома, очутиться у проема входной двери, выбитой взрывом во время штурма семнадцать месяцев тому назад.

Присев на корточки за порогом, морские котики принялись вблизи рассматривать дом на противоположной стороне. Через приборы ночного видения они наблюдали ту же картину, что до этого выявили с помощью биноклей и перископных видеокамер. За исключением оспин, оставленных пулями, дом был нетронут. Окна защищали закрепленные снаружи металлические ставни. Несмотря на глинобитный кирпич и штукатурку, строение казалось более новым в сравнении с другими. Совсем недавно стены укрепили бетоном. Вполне разумное решение в стране, раздираемой бесконечными религиозными и межплеменными войнами. Времена, когда расхождения во взглядах здесь решались при помощи винтовок, давно сменились эпохой автоматов и гранатометов.

В 5 часов 11 минут утра в кармане бронежилета Пэкстона завибрировала миниатюрная спутниковая радиостанция, разработанная для связи при проведении особо секретных операций. Звонить мог только Перри. Он и Гибб заняли позицию на крыше дома к востоку от цели. Оттуда открывался хороший вид на задний дворик гнезда Абдуллаха аль-Газали.

– Вижу слабый свет в щели между ставнями, – тихим голосом доложил Перри.

Это подтверждало предположение, что курильщик на крыше, замеченный ими вчера вечером, не просто использовал дом в качестве пункта наблюдения, но скрывался в его стенах, возможно, вместе с мясником Абдуллахом аль-Газали.

Пэкс и его люди планировали штурм не раньше, чем рассветет. Лучше подождать, пока позволяет время. Нужно дожидаться подтверждения того, что курильщик не единственный обитатель этого дома. Если семеро террористов рассредоточились, положим, в трех зданиях, отстоящих друг от друга на приличном расстоянии, нападение на один из домов встревожит обитателей оставшихся двух, и преимущество внезапности будет утеряно. В таком случае шансы добраться до самого аль-Газали существенно уменьшатся. Как бы там ни было, а штурмовать дом придется утром. Дальнейшее промедление грозит неоправданным риском.

Откуда-то из клонящейся к рассвету ночи донесся странный крик пустынного кота, называемого здесь каракалом. Пэкстон напрягся.

36. Словоделомантия

От происходящего веяло безумием... Проткнутый большой палец... кровь... тигриные глаза белокурой амазонки... Шипящие и потрескивающие фитили свечей... Саламандры свечного пламени, гоняющиеся за собственными грациозными тенями по столешнице... Аромат роз, долетавший из соседней комнаты. Теперь цветы пахли сильнее и в их аромате

чудилось что-то «похоронное»... Известные враги, собирающиеся в ночи, чтобы сфокусироваться на ударных волнах, которые Биби не может даже почувствовать... При всем этом девушка ощущала, как скепсис ее дал слабину. На время Калида Баттерфляй обрела в ее глазах ауру авторитетности. Даже самый большой скептик на месте Биби начал бы сомневаться в своих сомнениях.

Гадалка запустила пальцы правой руки в костяшки, насыпанные в серебряную мисочку. Ни она сама, ни Биби не глядели, какие буквы выбирают ее пальцы из алфавитного супа. Она не пыталась определить их на ощупь, словно это была азбука Брайля.

– Я призываю тайное знание об исцелении Биби от рака, – произнесла Калида слегка хриловатым, но в то же время мелодичным голосом с нотками решимости преодолеть любой отпор неведомой оккультной силы, к которой она обращалась. – Я истекаю кровью в жажде получить ответы. Мне нельзя отказать. Приди... Почему Биби Блэр излечена от глиоматоза мозга?

Калида уронила четыре костяшки на стол. Они ударились, издав звук, характерный для падающих игральных кубиков. Потом женщина взяла из мисочки еще две костяшки... три... и, наконец, последние две. Некоторые из них оказались повернуты так, что букв не было видно. Калида перевернула костяшки и выстроила буквы по алфавиту от «а» до «v»: а, а, е, е, f, i, l, o, s, t, v. Гадалка выложила их в линию на столе таким образом, чтобы, если она повернется налево, а Биби направо, они обе могли их свободно видеть.

Из одиннадцати букв, пусть даже некоторые из них друг друга дублировали, может получиться много слов. Хотя Биби не пыталась что-то сложить из них, девушка теперь видела возможные комбинации: leave, leaf, fast, feast, soft, solve, float, sole...²⁸

Калида пальцем выбрала четыре буквы, составив слово «evil»²⁹. Это не улучшило Биби настроение.

– Нужно использовать все одиннадцать букв, чтобы добраться до истинного смысла, – принялась объяснять гадалка.

Сначала Калида составила «a fate so evil»³⁰, на пару секунд задумалась, а потом произнесла:

– Нет, это не ответ. Самое большее это может быть бестолковой угрозой.

– Угрозой? Кто тебе угрожает? Или это мне угрожают?

Не ответив на ее вопросы, женщина поменяла местами несколько букв. Получилось: east evil oaf³¹.

– Ошибочка с самого начала, – произнесла она. – «Evil» – не ключевое слово.

В Калиде чувствовалась все нарастающая торопливость. Она хранила молчание. Аромат роз усиливался, но при этом в нем с каждой секундой явственнее ощущался сопутствующий ему запах гниения, вступивший в соперничество с духами женщин. Мерцающий, неверный свет множества свечей заплескал серебристыми рыбками бликов на столешнице. Призрачные мотыльки беззвучно забили своими крылышками на стенах... Биби почувствовала, как ее охватывает лихорадочный озноб, рожденный не физической болезнью, а душевным дискомфортом. При этом подобный недуг может оказаться не менее опасным, нежели обыкновенная инфекция.

Выложенная на столе фраза «foil a tease»³² не имела решительно никакого смысла. К тому же одна буква оставалась лишней. «Via least foe»³³ также ясностью не отличалась.

²⁸ Уходить, листок, быстрый, пир, мягкий, решать, плавать, подошва (англ.).

²⁹ Зло (англ.).

³⁰ Судьба – такая злая (англ.).

³¹ Восточный злой простак (англ.).

³² Обверни фольгой задиру (англ.).

Внезапно Биби увидела то, что не заметила гадалка, протянула руку и сложила: «to save a life»³⁴.

– Получилось, – уверенным тоном заявила Калида. – Девочка, у тебя интуиция и природная предрасположенность к гаданию. Клиенты никогда не видят того, что им предначертано судьбой. Они сидят, словно жабы, и ждут, пока я накормлю их мухами.

– Ладно, однако я хочу понять, – промолвила Биби. – Значит, я излечилась от рака, чтобы сохранить себе жизнь. Но это я и так знаю.

– Детка, ты совсем неправильно все поняла. Ты можешь читать слова, а я не только читаю, но и вижу их скрытый смысл. Тебя спасли от рака, чтобы ты могла *спасти жизнь другому человеку*.

Биби не сразу признала правоту Калиды. Спасти от чего? Когда? Где? Зачем? Она не искательница приключений, не героиня комиксов. Она терпеть не может трико и плащ-накидки. Биби не была женщиной действия, если оно не происходило на печатной странице.

– Кого? – спросила девушка. – Кого я должна спасти?

– Этот вопрос будет следующим.

Собираясь с силами, гадалка схватила бокал и быстро глотнула оставшееся в нем вино.

Биби подумала, что шардоне помогает Калиде справиться с болью в проткнутом иглой пальце... или взбодрить свою храбрость... или, возможно, и то и другое...

Помешивая правой рукой костяшки в серебряной мисочке, гадалка промолвила:

– Я истекаю кровью в жажде получить ответы. Мне нельзя...

Прежде чем женщина договорила, смартфон Биби, лежавший на столе, зазвонил, имитируя звонок старых телефонных аппаратов с дисковым номеронабирателем. Девушка бросила взгляд на экран.

– Звонящий не определен, – сказала Биби. – Не отвечать?

Звонок явно встревожил Калиду.

– Нет! Если ты не ответишь, мы не узнаем, *они* это или не *они*?

– Что за «они»?

– *Плохие люди!*

В мерцающем свете свечей гадалка уже не казалась такой самоуверенной. Она явно, как выражаются, не упиралась ногой в горло тому сверхъестественному существу, которому задавала свои вопросы.

– Ответь, ради бога!

Еще больше сбитая с толку, Биби приняла звонок.

– Алло!

– Суперагент? – слышался мужской голос.

– А-а-а... Кто это?

– Что это значит? Почему суперагент?

– Я понятия не имею, о чем вы...

– Не разыгрывайте здесь наивность. Я видел номер на вашей машине.

– А-а-а... Но это не моя машина, а мамина. Кто вы?

Звонивший отключился.

– Какой-то мужчина, – сообщила Биби гадалке. – Я сейчас приехала на мамином авто. Он хотел узнать, почему у меня такой автомобильный номер с претензией.

Из-за морщин, появившихся на лбу Калиды, ее лицо уже не казалось настолько молодым.

– Не похоже на одного из них.

³³ Через наименьшего врага (англ.).

³⁴ Спасти жизнь (англ.).

– Из них он или не из них, но этот мужик должен был видеть, как я подъезжала к дому, или он сейчас торчит на стоянке перед ним. Все явно сползает...

– Что? Что сползает?

– Все! Все сползает вниз, катится с холма к чертям собачьим, – сказала Биби, задаваясь вопросом, с какой стати ее всегдашняя выдержка ей изменила.

Ладно. Она просто не готова принять мир с этими новыми, неожиданными и странными измерениями. Биби готовила себя к тому, что придется писать рассказы для *«Антиохского ревью»*, *«Гранте»* и *«Фургона переселенцев»*. Недавно ее первый роман опубликовал «Рэндом Хаус». Такова была ее жизнь до недавнего времени. У нее не хватало эмоциональной и психологической гибкости, чтобы легко воспринять неожиданное, необъяснимое исцеление от рака и сверхъестественные последствия этого исцеления.

Калида бросила пыливый взгляд на девушку.

– Все всегда сползает. Жизнь – это снежная лавина, девочка. Ты это знаешь не хуже меня. Иногда она движется медленно, и это почти приятно, а иногда все катится в тартарары. Я прочла твой роман. Сейчас как раз тот случай. Хватай свои лыжи, девочка, и мчись прочь от снежной лавины. Не позволяй, чтобы она тебя догнала.

– А-а-а... Ну да. Я чувствую себя полной салагой.

– Что?

– Занудой, недотепой, ботаником...

Она приподняла полупустой бокал, пододвинулась ближе к Калиде и опорожнила его одним глотком.

– Спасти жизнь, значит, – произнесла гадалка, глядя на костяшки, рассыпанные на столе. – Давай выясним кого...

37. Все, рожденные матерями, временами ходят пи-пи

Крик каракала в ночи встревожил Пэкса. Он подумал, что его мог издать человек, а не животное. Потом послышались еще два. Они доносились из места, находившегося на довольно большом расстоянии от первого кричащего. Тревога старшины только усилилась. Что, если их выследили агенты одного из местных полевых командиров? Что, если враги знают, что он и его люди сейчас в городишке, и теперь дают сигналы друг другу на языке каракалов.

На Ближнем Востоке каракалы обитают, вот только здесь их гораздо меньше, чем в Африке и Азии. Когда-то иранцы приручали этих животных для охоты на птиц. Хотя вес взрослого каракала составляет около сорока фунтов³⁵, эта дикая кошка может подпрыгивать на высоту семи-восьми футов³⁶ над землей, кусая и сбивая лапами до восьми-десяти птиц из низко летящей стаи.

Пэкс и Денни застыли, вслушиваясь в ночь. Они хотели услышать еще один дикий крик, чтобы составить мнение, насколько он похож на рев настоящего животного. Их руки сжимали снайперские винтовки МК12. Мысленно бойцы очень жалели, что на вооружении у них нет чего-нибудь с более убийственным калибром...

Время шло. Рассвело. Ничего плохого не случилось. Иногда кричал каракал – на самом деле каракал.

В первые часы после рассвета даже легкий ветерок не смог нарушить звенящую тишину вокруг. Пэкстон очень надеялся, что благоприятный случай подтвердит присутствие в доме с металлическими ставнями еще кого-либо помимо курильщика. В 8 часов 47 минут

³⁵ Около 18 кг. (Примеч. ред.)

³⁶ 2–2,5 м. (Примеч. ред.)

завибрировал спутниковый телефон. Звонил Перри, сидевший вместе с Гиббом на крыше двухэтажного дома к востоку от их цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.